

Министерство образования Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

В. В. Дементьева, И. Е. Суриков

**АНТИЧНАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА:
ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
И РИМСКАЯ CIVITAS**

Учебное пособие

Ярославль 2010

УДК 94 (37)
ББК ТЗ(о)323я73
Д 30

*Рекомендовано
редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2009/10 года*

Рецензенты:

старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
канд. ист. наук А. Л. Смышляев;
кафедра истории Древнего мира и Средних веков
Казанского государственного университета

Д 30

Дементьева, В. В. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas: учеб. пособие / В. В. Дементьева, И. Е. Суриков; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 104 с.

ISBN 978-5-8397-0693-4

Учебное пособие посвящено центральной проблеме современного антиковедения – античной полисной организации, оно охватывает две главные ее разновидности: греческий полис архаического и классического периодов и римскую гражданскую общину эпохи классической Республики. Пособие является новаторским, основное внимание в нем уделено таким ключевым вопросам, как определение полиса, его сакральная пространственная организация и политическое устройство, характерные особенности полисного гражданства, экономические основы полисной жизни.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401.65 История (дисциплина «Кризис римской армии, Римская диктатура», блок ДС), очной формы обучения и магистрантов (дисц. «Античная полисная цивилизация»).

УДК 94 (37)
ББК ТЗ(о)323я73

ISBN 978-5-8397-0693-4

© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2010

Предисловие

Учебное пособие по античной гражданской общине написано с целью дать студентам, изучающим в университете древнюю историю, концентрированное современное научное представление об основных вариантах полисной организации – греческом (архаического и классического периодов) и римском (республиканской эпохи). Авторы учебного пособия ставили перед собой задачу отразить ключевые черты полисной организации: вопросы определения полиса, полисного гражданства, экономических основ полисной жизни, его сакральной пространственной организации, политического устройства и другие. Они исходили из того, что потребность в таком пособии назрела, оно необходимо для эффективного овладения материалом самых различных тем по греческой и римской истории. Следует констатировать, что в принципиальных подходах к сути античной полисной организации взгляды обоих авторов совпали. Общность методологических позиций позволила добиться необходимой методической цельности данного учебного пособия.

Авторы стремились изложить материал в доступной форме, дать ясные и четкие формулировки; не упрощая проблем, раскрыть их простым, понятным даже для студентов младших курсов, языком, делая для этого необходимые пояснения. Чтобы не перегружать текст справочным аппаратом, отсылки в подавляющем большинстве случаев даются без развернутого подстрочника (в силу особенностей учебного издания).

Учебное пособие содержит задания для проверки овладения материалом: терминологические вопросы для контроля знаний, задания по усвоению аргументации исследовательских позиций и понимания сути научных теорий, а также задания на сравнительный анализ отдельных черт греческой и римской полисной организации. Выполнение их должно помочь студентам систематизировать изученный материал, осмыслить его и запомнить в главных положениях.

Пособие предназначено прежде всего для студентов, обучающихся по направлению «История» в классических универ-

ситетах. Оно может быть полезным и для студентов-историков педагогических вузов, а также для студентов других гуманитарных образовательных учреждений. Изучающим римское право, классическую археологию, античную философию и культуру весьма важно ориентироваться в исторических реалиях полисной организации. Историческая антропология, история искусства, ряд других гуманитарных направлений подготовки, предполагающих полноценное изучение Античности, также требуют пристального внимания к темам греческого полиса и римской *civitas*.

Студенты, изучающие древнюю историю по программе бакалавриата, могут составить общее представление о специфике греко-римской цивилизации как цивилизации полисной, а студенты, специализирующиеся по античной истории (включая тех, кто проходит магистерскую подготовку по антиковедческому профилю), смогут более глубоко проникнуть в теорию полиса, историографическое его изучение, специфику отдельных вариантов полисной организации и т. д. Характер и ракурс освещенной в пособии проблематики обуславливает возможность его использования при изучении очень широкого набора дисциплин специализации в области антиковедения (социально-экономических отношений, военно-политической организации, идеологии и культуры).

Небесполезным, по мысли создателей, должно оказаться данное пособие и для аспирантов исторических факультетов, поскольку оно не только дает возможность представить «широту картины» исследовательского пласта проблемы, но и содержит необходимые отсылки к научной литературе, позволяющие самостоятельно продолжить «погружение» в полисную тематику – центральную для мирового антиковедения уже потому, что полис явился тем социумом, который обусловил историческую суть античной цивилизации.

*И. Е. Суриков, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН,
В. В. Дементьева, д-р ист. наук, профессор кафедры
всеобщей истории, руководитель Научно-образовательного
Центра антиковедения ЯрГУ*

И. Е. Суриков

Греческий полис архаической и классической эпох

Бесспорно, тема полиса является одной из ключевых (а может быть, и просто самой главной) при изучении Античности, во всяком случае, греческой античности доэллинистического времени. Не имея адекватного понятия о полисе, в истории этой эпохи вообще мало что можно в полной мере постигнуть. В то же время следует отметить, что составление этого адекватного понятия об античном полисе – дело очень нелегкое. Полисная проблематика не только исключительно важна; она с полным основанием может быть названа также чрезвычайно сложной – как ввиду своей многогранности, так и в связи с подчеркнута дискуссионным характером многих возникающих вопросов, отнюдь не решенных еще и по сей день, остающихся предметом напряженных споров. Поэтому, разумеется, и то, что будет сказано нами ниже, отнюдь не претендует быть некоей «истиной в последней инстанции»; это один из возможных взглядов на полис, хотя мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы максимально аргументировать нашу позицию, насколько это возможно в рамках ограниченного объема работы.

Отметим сразу, что имеют право на существование самые различные подходы к проблеме полиса. В русле одного из таких подходов особенно интенсивную работу провел Копенгагенский центр по изучению полиса под руководством выдающегося антиковеда М. Хансена. В качестве своеобразной «сверхзадачи» этот центр поставил выработку определения феномена полиса – определения развернутого и исчерпывающего, которое было бы внутренне непротиворечивым, соответствовало бы полной совокупности источниковых данных, а также по возможности удовлетворяло бы всех работающих на данном поприще специа-

листов. Вне всякого сомнения, эта задача весьма актуальна. В историографии, как известно, бытует множество определений полиса, подчас весьма отличающихся друг от друга. В каждой из этих дефиниций выдвигается на первый план то одна, то другая составляющая изучаемого явления (нередко в ущерб всем остальным), в результате все они страдают теми или иными недостатками, больше всего неполнотой и, как следствие, неудовлетворительны или не вполне удовлетворительны. В подобной ситуации решительно необходимо рано или поздно прийти к «общему знаменателю», без чего вряд ли возможно результативное движение вперед.

Однако сама эта ситуация показывает, насколько трудно прийти к искомому определению, которое можно было бы назвать во всех отношениях безупречным. Не удивимся, если эта цель так и не будет достигнута. С одной стороны, весьма импонирует, что исследователи, участвующие в разработках Копенгагенского центра, стремятся уяснить, какой смысл (или смыслы) вкладывали в понятие «полис» сами античные греки, и уже на основании этого попытаться прийти к определению данного понятия, а не навязывать определение, исходя из априорных установок. Для этого предпринимается тщательнейшая проработка всего колоссального источникового корпуса по греческой античности, включая и нарративную традицию, и эпиграфические тексты, и даже археологические памятники: всё это может иметь прямое или косвенное отношение к проблеме полиса.

По итогам исследования большого массива данных Хансену удалось вывести определенную закономерность, которую он, на наш взгляд, несколько претенциозно называет «Копенгагенским законом о полисе» (*Lex Hafniensis de civitate*). Ученый формулирует этот закон следующим образом: в источниках архаического и классического времени термин «полис», используемый в смысле «город» (*town*) для обозначения того или иного городского центра (*urban centre*), прилагается не к любому городскому центру, а только к такому городу, который в то же время является центром полиса как политического сообщества (*political community*). Иными словами, термин «полис» в этих источниках

имеет два разных значения: «город» и «государство». Но даже тогда, когда он используется в смысле «город», все-таки он одновременно почти всегда указывает на то, что греки называли полисом в политическом смысле, в смысле гражданской общины (κοινωμία πολιτῶν πολιτείας).

Этот закон, который, как подчеркивает Хансен, имеет в виду только древнегреческие полисы, насколько можно судить, призван оттенить «двуединство» категории полиса, при преобладании все же скорее «государственных», чем «городских» коннотаций.

С другой же стороны, для работы центра характерен один недостаток, за который уже и ранее по различным поводам критиковали его руководителя М. Хансена: чрезмерно формальный подход к свидетельствам источников. Так, и материал по полису также максимально формализован: не случайно издания центра изобилуют разного рода перечнями, реестрами, каталогами. Грандиозным предприятием представляется составление общего каталога всех древнегреческих полисов архаической и классической эпох, известных из источников (каталог выпущен в 2004 г.). Все такого рода списки могут быть весьма информативными, однако создается впечатление, что за ними как-то теряется живая реальность античной эпохи: ведь реальность, как известно, заведомо сложнее и многограннее любой, самой лучшей схемы.

Важное место в исследованиях Копенгагенского центра занял сравнительный подход. Эллинский полис берется как явление не только античной, но и мировой истории и в этом качестве сопоставляется более чем с 30 типами городов-государств, известных для других эпох и регионов. Для сравнения берутся как вполне хрестоматийные примеры (города-государства Шумера, Финикии, Ассирии, Эбла, этрусские города, Рим и другие *civitates* Лация, кельтские *oppida*, города древней и средневековой Средней Азии, позднесредневековой и ренессансной Италии, города-государства майя и ацтеков и т. п.), так и отнюдь не очевидные, подчас даже спорные (например, раннесредневековые города Аравии типа Мекки, поселения викингов в Ирландии X в., «имперские» и «вольные» города Германии от Средневековья до XIX в., «города-государства» Юго-Восточной Азии и Африки или даже «викингские города Южной России»), как они опре-

делены в сборнике). Несколько смущает всё тот же известный формализм подхода; в одну и ту же весьма расплывчатую, нетерминологичную категорию «городов-государств» оказались отнесены самые разные образования, отнюдь не родственные структурно-типологически.

* * *

Подчеркнув еще раз некоторую непродуктивность формального анализа, когда он применяется изолированно, без сочетания с иными методиками, дающими возможность содержательного постижения материала по существу, возвращаемся к основной нити изложения. Повторим, что применительно к полисной проблематике имеет место отсутствие согласия между специалистами практически в каждом вопросе. В том числе, например, и в таком ключевом, как рождение полиса: при преобладающем мнении, согласно которому это продукт послемикенской эпохи, сформировавшийся на протяжении первой половины I тыс. до н. э., имеются, однако, и идеи о микенском или даже домикенском происхождении полиса (А. ван Эффантерр, отчасти Ю. В. Андреев). Нет единства и в отношении проблемы критериев. Можно ли любую общину в Греции считать полисом?

Очевидно, всё-таки нельзя, поскольку полису в греческом мире имелись альтернативы. Данная тема в последнее время становится популярной в западной науке, хотя отечественного антиковедения эти новые веяния, как обычно и бывает, пока не коснулись. Даже в классическую эпоху, во времена высшего расцвета полисного строя, полис не являлся единственной формой государственного объединения в Элладе. Наряду с ним существовали, преимущественно в периферийных регионах, так называемые «этноты». Именно «этнос» следует признать важнейшей альтернативой архаическому и классическому полису.

Но что такое греческий «этнос» – в этом вопросе пока нет почти никакой ясности, поскольку названный феномен еще мало исследовался и до сих пор изучен в явно недостаточной степени. Не разработаны еще вполне четкие критерии, по которым можно было бы отличать «этнос» от полиса, так что не всегда понятно, к

какой из этих двух категорий относить ту или иную конкретную политику. Если можно привести ряд примеров «этносов» в чистом виде (Этолия, Акарнания, Локрида и др.), то, с другой стороны, имелись и государственные образования, в которых черты «этноса» и полиса сочетались и переплетались, при преобладании одних или других. Таковы Фессалия, Аркадия, Беотия, Элида и др. Характер перечисленных объединений неоднороден. В частности, Фессалию как целое на шкале «этнос – полис» следует разместить ближе к первому; в то же время на ее территории постепенно формировались полисы. В Беотии и Аркадии полисы, которые мы застаем в классическую эпоху, являются уже вполне сформировавшимися, но некоторые рудименты «этноса» сохранялись на общем уровне региона. Элида же, судя по всему, прошла путь перерождения «этноса» в единый крупный полис.

Несмотря на то, что сам термин «этнос» может быть буквально переведен как «племя», греческий «этнос», конечно, не был каким-то примитивным племенем в смысле категории родоплеменного строя, изучаемого этнографией и историей первобытности. Он являлся, как и полис, некоей формой социально-политического устройства, общиной, предполагавшей наличие гражданства. Пожалуй, в «этносе» в большей степени выступал на первый план территориальный элемент, в то время как в полисе – человеческий фактор. Ведь, по известной формулировке Фукидида, отразившего здесь общегреческие представления, полис – это «люди, а не стены».

В связи со сказанным отметим, что в историографии велась дискуссия на тему, возможны ли были в античной Греции полисы вообще без территории. Некоторые ученые отрицают такую возможность. Мы же считаем, что в принципе она существовала. Случаи такого рода были очень нечастыми; обычно приводят одни и те же, ставшие хрестоматийными примеры (афинский флот на Самосе в 411 г. до н. э., не признавший олигархического переворота Четырехсот на родине, отказавшийся подчиняться новому правительству и на какое-то время конституировавшийся как своего рода отдельный независимый полис; наемное войско «Десяти тысяч» в составе сил Кира Младшего, в ходе своего отступления из Персии тоже, по сути дела, организовавшееся в

«полис на походе»). Иными словами, перед нами в любом случае не правило, а исключение, возможное только в неординарных, чрезвычайных обстоятельствах.

В норме полис, безусловно, должен был обладать определенными постоянными земельными владениями. Не случайно одно из самых серьезных наказаний для гражданина полиса – это изгнание с полисной *территории*. Тем не менее сама возможность, пусть редко и ненадолго, но все-таки создавать «бестерриториальные» полисы лишний раз подчеркивает отмеченную выше первичность человеческого фактора в полисном типе государственности.

«Этнос» был в известном смысле одной из пресловутых «альтернатив полису». Однако эта альтернатива так и осталась на заднем плане, а специфику греческой античности во всех отношениях определил именно полис. Он не был и не признавался единственно возможной для эллинов формой сообщества людей. Но он был и признавался формой, так сказать, «идеальной». Такую картину встречаем и в реальной жизни греков, и во всех теоретических построениях их мыслителей – Платона, Аристотеля и т. д.

* * *

Переходя к более детальной характеристике категории полиса, в первую очередь настоятельно подчеркнем необходимость различать полис архаический и полис классический. Это, разумеется, не одно и то же; это – две стадии в развитии феномена. Формирование архаического и классического полиса – тоже два разных процесса, которые не следует смешивать друг с другом. Оба процесса имели в полной мере революционный характер (революцию понимаем здесь в максимально широком смысле, не обязательно как некий насильственный переворот, но как качественный скачок, выход на новый уровень).

Совершенно справедливо выдающийся археолог и один из крупнейших специалистов в области формирования полиса Э. Снодграсс модифицирует давно уже вошедшее в арсенал антиковедения понятие «архаической революции». Он указывает, что на самом деле имели место две «архаические революции» – в

начале и в конце эпохи архаики. В ходе первой из них произошло формирование полисов из «осколков» распавшихся монархий микенского времени, через промежуточный этап протополиса. В этот период полис возникал как полис архаический. Главный элемент данного процесса – становление системы полисных институтов. Следует упомянуть, в частности, постепенное создание набора базовых магистратур. Оно лучше всего прослеживается на афинском материале, из которого видно, что путь от пожизненной царской власти к полисной магистратуре архонтата шел по нескольким параллельным линиям. Во-первых, должность становится выборной, затем в несколько этапов происходит сокращения срока пребывания в ней – до 10 лет, затем до 1 года. Одновременно расширяется круг лиц, имеющих право занимать эту магистратуру, – от царского рода Медонтидов ко всем евпатридам. Третья линия – увеличение количества магистратур от одного царя до девяти архонтов; это предпринималось в целях придания власти коллегиального характера, дабы избежать ее концентрации в одних руках. В целом можно считать, что в Афинах процесс формирования архаического полиса завершился к середине VII в. до н. э., то есть охватил первую половину эпохи архаики. В сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионов греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами.

Вторую же половину архаической эпохи охватывает формирование классического полиса, в основном завершившееся в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н. э. Так, в Афинах основные шаги в этом направлении – законодательство Драконта, реформы Солона, тирания Писистрата и Писистратидов, наконец, деятельность Клисфена. Если же брать греческий мир в целом, то не может не броситься в глаза целый ряд принципиально новых реалий, появившихся именно на указанном хронологическом отрезке. Среди них – кодификация права; введение гоплитской фаланги и нарастание связанных с ее социальными функциями эгалитарных тенденций; резкая интенсификация внутриволисных смут (стасиса) и, как результат, часто установление тиранических режимов, относимых наукой к так называемой Старшей тирании; вытеснение архаических форм зависимости (как долговая кабала

или внеэкономическая эксплуатация покоренного местного населения) и развитие классического рабства.

Подчеркнем, что в категории «архаический полис» и «классический полис» мы вкладываем не столько хронологический, сколько стадиально-типологический смысл. Дело в том, что даже и в классическую эпоху в греческом мире вполне можно было встретить полисы, остававшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Если говорить о полисах крупных и известных, то таковы, бесспорно, Спарта, полисы Крита, в значительной степени Аргос и др.

Сказанное позволяет предложить новый вариант типологии греческих полисов. Вопрос о такой типологии весьма сложен и дискусионен; выдвигались разные ее варианты. Например, полисы аграрные и полисы торгово-ремесленные. Но подобная дихотомия некорректна. Ведь хотя степень развития ремесленного производства и торгового обмена в различных государствах Эллады могла быть большей или меньшей, но, насколько можно судить, ни в одном из них эта сфера хозяйственной деятельности не являлась основой экономики; такой основой всюду являлось сельское хозяйство. Иначе говоря, ни один полис не может быть назван торгово-ремесленным в строгом смысле слова.

Весьма большая роль ремесла и торговли в таких, например, полисах, как Эгина, Милет, Коринф, Фокея, конечно, не может быть поставлена под сомнение. Эгинские купцы славились своим богатством; в Милете прослойка богатейших людей называлась «азйнавтами» (вечно плавающими), что, безусловно, означает их причастность к морской торговле. Но у нас нет данных, чтобы категорично делать очень ответственный вывод о том, что в этих полисах (даже на Эгине) ремесло и торговля представляли собой основу экономики, то есть занимали в ее структуре больший удельный вес, чем сельское хозяйство, иными словами, что среди эгинских жителей торговцев и ремесленников было больше, чем крестьян. Из источников это не вытекает. Кстати, что касается конкретно Эгины, то, конечно, соблазнительно напрашивается следующий ход мысли: на маленьком островке земли, вероятно, на всех не хватало, и многие жители из-за этого должны были обеспечивать себе существование ремеслом и торговлей. Однако

похоже, что на Эгине земельный голод все-таки не ощущался. Иначе она была бы среди активных участников Великой колонизации, а это не так.

Далее, предлагалось делить полисы на демократические и олигархические, то есть за базовый критерий различения бралась форма политического устройства. Но такая классификация тоже несет в себе некоторое упрощение. Как демократия, так и олигархия в полисных условиях могли быть очень разными; провести четкую грань, скажем, между умеренно-олигархическими режимами и некоторыми более консервативными («гоплитскими») демократиями вообще вряд ли представляется возможным. Не говорим уже о том, что в одном и том же полисе государственный строй мог меняться: олигархическое правление сменялось демократическим, впоследствии вновь возвращалась олигархия (случалось и такое), вкрапливались интерлюдии тирании, вообще не находящей отражения в разбираемой типологии, и т. д.

Итак, предлагаемый нами вариант типологии греческих полисов доэллинистического времени – полисы архаического типа и полисы классического типа. Безусловно, и такая типология тоже не охватит всего разнообразия существующих условий. Двух «полисов-близнецов» в Греции просто не было. Любое обобщение в какой-то степени «хромает», тем не менее без обобщений обойтись нельзя. И тут уж приходится мириться с тем, что всегда останутся исключения из правила. В первую очередь таким исключением будут, конечно, Афины на протяжении большей части V и IV вв. до н. э., когда они были полисом уникальным, аналогий практически не имеющим.

Афинское государство стало столь нетипичным, разумеется, далеко не сразу: не в ходе законодательства Солона и даже не в результате реформ Клисфена. Даже после этих последних Афины оставались еще более или менее «нормальным» классическим полисом. В серьезное отклонение от этой нормы они начали превращаться ближе к середине V в. до н. э. Главную роль в указанном процессе сыграли реформы Эфиальта–Перикла, в результате которых в «городе Паллады» установилась самая развитая демократия античного мира, опирающаяся на гегемонию в имперской по своей сути Афинской архэ. Этот

последний шаг не был сделан, пожалуй, ни одним другим полисом.

В связи с Афинами встает вопрос: не следует ли ввести в нашу типологию еще один, третий тип – «модернизированный полис» (наименование условное)? Однако несколько беспокоит, что такой тип окажется в греческом мире исключительно редок, в сущности, единичен. В полной мере к нему можно отнести только Афины периода расцвета демократии. Ближе всего к этому образцу подошли, быть может, Сиракузы V в. до н. э. Но они, во-первых, всё же и не прошли тот же путь полностью; во-вторых, сиракузская демократия оказалась нестабильной и на исходе столетия, как известно, уступила место тирании Дионисия Старшего. Одним словом, данный полис не являет собой столь же яркого и характерного примера предложенного здесь третьего типа, скорее находится где-то на подступах к нему. Удивляться этому тоже не следует: чистота типов возможна только в теории, на практике же, естественно, имел место широкий спектр различных переходных вариантов.

Афины – сюжет сам по себе весьма интересный, о котором с большой пользой можно было бы долго и подробно говорить. Однако нас здесь интересуют не столько Афины, сколько полисы более типичные (архаического или классического типа). Только это позволит как-то обобщить ситуацию. Поэтому нижесказанное будет, конечно, базироваться, в числе прочего, и на афинском материале, но в основном не из «Периклова века», а более раннем, когда Афины еще не столь уникальны и более показательны.

* * *

Далее необходимо оговорить, что в типах «архаический полис» и «классический полис» следует видеть не только различие, но и черты сходства – те, которые позволяют относить оба типа к категории полиса (а не сблизать, скажем, архаический полис с «этносом»). Речь, таким образом, идет о том, что в первую очередь характерно для полиса как такового – при всех конкретных отличиях и почти необъятном разнообразии

проявлений общих принципов. Какие признаки делают полис полисом?

Ставя этот вопрос, мы выходим на проблему определения полиса. Проблема эта также является сложнейшей, по ней немало сломано копий в научных дискуссиях. Нам представляется, что в данной ситуации особенно уместен совет «Семь раз отмерь – один отрежь». Не станем спешить со скороспелыми выводами; будем двигаться к искомому определению постепенно, шаг за шагом, уточняя его, конкретизируя, оттачивая. Главное – заботиться о том, чтобы выстроилась четкая логическая цепочка аргументации, без пробелов и по возможности без «слабых звеньев», чтобы полученные результаты не содержали противоречий, как внутренних, так и с источниковым материалом.

В любом случае определение, которое получится, будет, бесспорно, рабочим, предварительным. Оно, в частности, будет сделано всецело на тех данных, какие предоставляет история греческих полисов архаической и классической эпох, то есть на данных, которые лучше всего известны автору этих строк. Мы уверены, что рассмотрение данных по эллинизму и Риму позволит обогатить понимание полиса рядом других важных и ценных деталей.

Прежде всего выскажем свое отношение к весьма распространенному в западном антиковедении определению полиса как города-государства. В отечественной науке эта формулировка обычно подвергается критике, признается некорректной или даже вообще неприемлемой. Мы в данном вопросе занимаем не столь ригористичную позицию и в принципе допускаем, что разбираемое определение может иметь определенную эвристическую ценность. Но только в том случае, если не забывать делать две важные оговорки. Во-первых, применительно к полису сами понятия «город и государство» нужно понимать в специфически античном смысле, который далеко не во всем тождествен современному. Во-вторых, следует учитывать, что полис – не только город и не только государство, а нечто большее: при применении системного подхода сумма не вполне совпадает с совокупностью своих слагаемых.

Разберем сказанное более детально и аргументированно. Прежде всего, очевидно, все согласятся с тем, что полис есть *община*. Оговорить это необходимо, так как это первый шаг к пониманию феномена, но именно только первый. Сказать, что полис есть община, – еще почти ничего не сказать, поскольку общин в мировой истории было чрезвычайно много, и все они были очень разными и непохожими друг на друга.

Поэтому делаем второй шаг: полис есть *гражданская* община. На этом этапе анализа мы выходим на такую характеристику полиса, которую вообще следует признать одной из важнейших, наиболее принципиальных: полис теснейшим образом связан с категориями гражданина и гражданства. Эти категории имели ключевое значение для всего полисного бытия, и только на их основе может быть адекватно познан феномен полиса.

Но и на этом втором шаге тоже нельзя останавливаться: пока мы еще не оттенили всю специфику полисного типа общества. Скажем, к греческому «этносу» сказанное тоже в полной мере относится: он также являлся общиной, и в нем также имелось гражданство. Последнее выразалось в том, что граждане «этносов» (как и граждане полисов) носили этниконы, то есть в состав их полного гражданского имени входило обозначение принадлежности к данному государству. Как гражданин Афин при контактах с иноземцами именовался «имярек, афинянин», так, допустим, житель Этолии – «имярек, этолиец».

Следовательно, для уточнения определения нужно делать очередной шаг. И если два предыдущих, думается, ни у кого сомнения не вызвали, то этот, третий, скорее всего, вызовет у части читателей возражения. Он заключается в следующем: полис есть *городская* гражданская община.

Почему мы говорим о возможных возражениях? В отечественной историографии получила широкое распространения точка зрения, особенно детально развивавшаяся выдающимся антиковедом Г. А. Кошеленко и учеными его школы. Согласно данной точке зрения, полис и город – принципиально разные феномены, не имеющие, в сущности, ничего общего. Соответственно, двумя не совпадающими друг с другом процессами являются, с одной стороны, формирование и развитие полиса в Греции, а с другой –

формирование и развитие там города. Эти процессы во многом даже оказываются в положении противостояния друг другу.

Традиционно приводятся аргументы такого рода: существовал афинский полис, в котором в классическую эпоху имелся не один, а как минимум два городских центра – сами Афины и Пирей. Кстати, по нашему мнению, городских центров в Аттике было даже больше, чем два; по крайней мере, Элевсин мы явно тоже должны относить к их числу. В то же время существовал и такой полис, как Спарта, – вообще не урбанизированный, не имевший четких признаков городского центра.

Всё это, бесспорно, верно. Однако надлежит помнить о нескольких существенных обстоятельствах. Во-первых, приведенные примеры представляют собой исключения, отклонения от нормы. Ни Афины, ни Спарту никто не назовет типичным полисом. А исключениями вряд ли могут аргументироваться общие закономерности. Во-вторых, необходимо придерживаться принципа историзма и не применять к иным эпохам критерии, свойственные нашей. Такой тип населенного пункта, который по современным меркам никак не может считаться городом и который мы ни в коем случае не признали бы таковым, в античном греческом мире вполне мог восприниматься как город.

В-третьих, – и это, пожалуй, наиболее важно – пользуясь категорией «город», следует учитывать, что в Античности она не только в количественном, но и в качественном аспекте имела во многом иное смысловое наполнение, нежели в наши дни. Противопоставление полиса и города правомерно, если исходить из нынешнего понимания города как более или менее крупного центра промышленного (применительно к доиндустриальному времени – ремесленного) производства и торговли, центра, противопоставленного деревне, сельской местности – средоточию аграрного сектора экономики. Такая ситуация сложилась в Европе в эпоху Средневековья и существует, в общем, по сей день.

В античной Греции было иначе: противопоставления города и деревни не наблюдалось, они воспринимались не как антагонистические элементы, а как необходимые части единого целого. Применительно к греческим реалиям следует вести речь об

аграрных городах, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев. Основу населения древнегреческого города составляли не ремесленники и торговцы (хотя они, вне всякого сомнения, наличествовали почти в любом полисе), а крестьяне. Противопоставление горожан и крестьян как социально-экономических групп уже поэтому не могло получить развития. В условиях полиса город был интегрально, теснейшим образом связан со своей хорой. Они были взаимодополняющими и друг без друга не мыслились, представляли собой два компонента одной системы «город – хора», которая, в сущности, и представляла собой полис. Именно в рамках названной системы «город – хора» уместнее всего трактовать определение полиса как городской гражданской общины. Поэтому, кстати, встречающееся в исторической литературе выражение «полис и хора» представляется нам не вполне корректным, поскольку нельзя противопоставлять целое и его часть.

Следующий (и уже, наверное, последний) шаг в формулировке нужного нам определения будет таким: полис есть городская гражданская община, *конституирующая себя как государство*. Здесь подчеркивается политический суверенитет, представляющийся исключительно важной характеристикой архаического и классического полиса. Полис, каким бы маленьким он ни был, являлся полноценным государством, со всеми атрибутами государственной независимости: властями, армией, финансами, законами и т. д. Акцент на этом позволит нам еще лучше отличать полис от других гражданских общин, существовавших и в той же Греции, но государствами не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже были гражданскими общинами; более того, дем – в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в Античности Фукидидом, в современной историографии целым рядом исследователей. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями. Поэтому, кстати, не столь давно появилась парадоксальная точка зрения, согласно которой Афины, воспринимавшиеся как «федерация демов», были, собственно, не полисом, а «этносом». Но согласиться с этой точкой зрения нельзя (да и в античности

Афины всегда воспринимались именно как полис, а отнюдь не как «этнос»). Дем не может быть «точкой отсчета» для политической структуры именно потому, что он, в отличие от полиса, не обладал политическим суверенитетом, не являлся государством.

Говоря о принципе политического суверенитета, следует учитывать, что из него, на первый взгляд, были возможны исключения. Так, полисы в системе Афинской архэ V в. до н. э. были с определенного момента фактически лишены своей государственной независимости. Но ведь жители этих полисов и осознавали такое положение как совершенно ненормальное, при первой же возможности пытались избавиться от чрезмерно далеко зашедшей гегемонии Афин. Кстати, давно уже было замечено: временем высшего экономического, политического, культурного расцвета Ионии была первая половина архаической эпохи. Попад под власть Персии, этот передовой регион пришел в некоторый упадок, но, что самое главное, не возродился и после освобождения от контроля Ахеменидов в ходе Греко-персидских войн. И не возродился именно потому, что на смену одному чуждому владычеству пришло другое, афинское (а потом спартанское, а потом снова ахеменидское...). Иными словами, один из кардинальных принципов полисного типа социума по отношению к этим городам продолжал нарушаться, и они уже не являлись полноценными полисами.

Коль скоро об этом зашла речь, автору представляется необходимым сделать небольшое отступление и хотя бы в двух словах сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над *i*. Часто подчеркивают, что полисные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца Античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены – именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами они, разумеется, были, но не были государствами. И, во всяком случае, *sub specie*

архаического и классического полиса эти эллинистические полисы – вопиющее отклонение от нормы.

Принцип политического суверенитета в словоупотреблении самих греков выражался термином «автономия» (т. е. «жизнь по собственным законам»). Рука об руку с этим понятием шло понятие автаркии – экономического суверенитета. Впрочем, строго говоря, автаркия (самодовление, самодостаточность) – категория не чисто экономическая; она являлась в значительной степени одной из общих основ всего бытия греческого полиса и мировосприятия, выросшего в рамках этого бытия.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Из краткой формулировки «город-государство» мы путем ряда последовательных корректировок и уточнений выводим следующее рабочее определение полиса: **городская гражданская община, конституирующая себя как государство**. Акцент здесь делается, во-первых, на ключевом значении категорий гражданина и гражданства для жизни полиса; во-вторых, на городском (в античном смысле) характере полисной цивилизации; в-третьих, на наличии политического суверенитета.

* * *

До сих пор речь шла в основном о политическом аспекте феномена полиса. Но не менее важным представляется нам его *религиозное* «измерение» – несмотря на то, что оно обычно в исследовательской литературе не является предметом столь же пристального внимания. С одной стороны, полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но, с другой стороны, в той же мере полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве религиозной организации. Здесь напрашивается продолжение «...то есть церкви», и если мы воздерживаемся от употребления слова «церковь», то только потому, что это слово несет в себе ряд устойчивых коннотаций вполне определенного характера, с трудом увязывающихся в современном сознании с античной языческой религией. Впрочем, в западной исследовательской литературе

можно встретить и формулировки такого рода: в условиях религии, не имевшей ни элементов откровения, ни канона священных текстов, ни духовенства, полис играл роль церкви. Во всяком случае, церкви как особой, отдельной от государства организации никогда не существовало ни в одном полисе.

Указанный религиозный аспект полиса также совершенно необходимо учитывать, причем не только на стадии уже развитого полисного социума, но и на стадии его формирования. Французский ученый Ф. де Полиньяк в 1980-х–1990-х гг. в ряде этапных работ убедительно продемонстрировал синхронность и взаимосвязь «рождения» полиса в Греции и появления крупных святилищ, детально изучил, насколько велика была роль этих святилищ в складывании полисных структур. На эту роль еще до него указывал Э. Снодграсс, но новизна подхода де Полиньяка заключалась в том, что он сделал особый акцент на святилищах на окраине хоры и ввел категорию «биполярного полиса». В этой системе появляется, так сказать, два «полюса», создающие в совокупности «сакральную ось» государства: центральный полюс – сам город с его святынями на акрополе и маргинальный полюс – крупное святилище на хоре.

Французский антиковед считает, что имелись и исключения из выведенной им нормы «биполярного полиса», и важнейшим из этих исключений он называет Афины. Однако, на наш взгляд, они таковым все же не являлись, во всяком случае, с того времени, как в состав афинского государства был включен Элевсин: тамошнее святилище Деметры стало выполнять искомую роль второго, маргинального полюса. В целом, конечно, нельзя сказать, что концепция де Полиньяка всеми безоговорочно принята; раздаются и голоса против, акцентирующие некоторую умозрительность предложенной схемы. Разумеется, любая схема, более того, любое обобщение в какой-то степени является упрощением действительности, и с этим ничего поделать нельзя. Но из этого не вытекает, что мы должны отказаться от обобщений. Во всяком случае, концепция «биполярного полиса» заслуживает самого внимательного к себе отношения; после ее появления уже нельзя ее не учитывать и писать о полисной организации так, как писали до того.

Итак, полис – не только политическое пространство, но еще и пространство сакральное. Остановимся на этом подробнее. Любая цивилизация творит собственную пространственную модель и, в свою очередь, сама как бы творится ею. Разумеется, сформировалась своя пространственная модель – самобытная и, возможно, даже уникальная – и в рамках древнегреческой полисной цивилизации. Здесь невозможно рассмотреть эту модель во всей ее целостной совокупности. Мы кратко сформулируем лишь некоторые положения, имеющие отношение к одному из ее аспектов, а именно к тому, который связан с категорией сакрального.

Среди важнейших бинарных оппозиций, характеризующих ментальность человеческих обществ, находится оппозиция «сакральное (священное) – профанное (мирское, светское)». Эта оппозиция, рождающаяся из религии, оказывает принципиальное влияние и на пространственное мышление: пространство в традиционных культурах воспринимается не как семантически нейтральное и однородное, а как по-разному структурированное и иерархизованное в зависимости от степени своей сакральности. При этом, насколько можно судить, такое структурирование имеет неодинаковые формы в различных цивилизациях.

Что касается конкретно античного греческого полиса, в его пространственной модели категория сакрального также имела существенную специфику, порожденную самим характером полисной религиозности. Как уже отмечалось чуть выше, полис как таковой являлся не только политическим, но и религиозным феноменом; в нем религиозные и государственные структуры в принципе совпадали. «Религиозная функция» в Греции с самого начала существования полисов не была автономной, четко выделенной, в отличие от большинства других социумов; она неразрывно переплеталась с прочими аспектами общественной жизни. В подобных условиях было решительно невозможно, например, такое явление, как конфликт между духовной и светской властями. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах.

Описанная ситуация предопределяла практическую невозможность строгого разграничения сакральной и «светской» сфер на уровне полиса. В полисе было сакрализовано буквально всё, любая сфера общественной деятельности. Это очень четко видно, в частности, на уровне правовой культуры. Если римское право содержало в себе подчеркнутое различие *ius* и *fas*, права светского и права сакрального, то в древнегреческих правовых системах грань между этими областями провести чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Проиллюстрируем данный тезис конкретным примером. Техническое выражение «τὰ ἱερά καὶ τὰ ὄσια» означало в греческом праве, как обычно считают, эквивалент латинского «*sacra et profana*», совокупность религиозного, «божеского», с одной стороны, и мирского, «человеческого», – с другой. Однако, как убедительно показал итальянский исследователь А. Маффи, в таких контекстах слово «ὄσιος» все же вряд ли может быть безоговорочно понимаемо как «светский», «профанный» в полном смысле слова. Резоннее вести речь о различных уровнях сакрального. Если «ἱερός» имеет отношение к сфере, связанной собственно с богами, то «ὄσιος» – к сфере, связанной с полисом, который, как мы видели, был сам по себе организацией сакрализованной.

Сказанное об «уровнях сакрального» имеет прямое отношение к пространственному структурированию полиса. В его сакральной «плоти» отчетливо выделялись отдельные участки, обладавшие повышенной сакральностью, так сказать, «очаги сакрального». Применительно к урбанистическому центру полиса, к городу как таковому, следует говорить прежде всего о двух таких «очагах». Во-первых, это акрополь, городской «кремль», средоточие религиозного и цивилизационного континитета, место концентрации наиболее древних и священных преданий и символов. Отметим, что даже и на акрополе степень сакральности пространства не повсюду была равной и однородной. В Афинах она в наибольшей мере концентрировалась в храме, который для классической эпохи известен под названием Эрехтейона и находился на месте царского дворца микенской эпохи. Во-вторых, агора – главная городская площадь. Сакральный характер этого пространства на практике выражался,

помимо прочего, в том, что входы на агору маркировались специальными пограничными камнями (ὄροι). Доступ на агору категорически запрещался, в частности, лицам, считавшимся «оскверненными» в религиозном отношении (например, совершившим убийство), дабы они своим присутствием не запятнали святыни.

Конкретная сакральная семантика акрополя и агоры была, естественно, неодинаковой; этот вопрос не может быть детально рассмотрен здесь и требует отдельного исследования. Отметим лишь, что агора, в отличие от акрополя, не была раз и навсегда неизменно локализована; она могла перемещаться. Так, в Афинах до начала VI в. до н. э. агора (так называемая «Старая Агора») располагалась, судя по всему, у восточного склона акрополя, а затем (в ходе реформ Солона или даже позже) перенесена в район Керамик, на место, где ранее были в основном городские некрополи. На этом новом месте и сформировалась знаменитая Классическая Агора, функционировавшая вплоть до конца Античности и от века к веку украшавшаяся все новыми замечательными памятниками архитектуры и искусства.

Семантическая оппозиция «сакральное – профанное» в большинстве традиционных цивилизаций тесно сопряжена с пространственной оппозицией «центр – периферия». Как правило, чем дальше от центра, тем слабее интенсивность элементов сакрального, тем в большей мере пространство оказывается во власти профанных сил. Однако античный греческий полис и в данном отношении имел немаловажную специфику. Вспомним об упомянутой концепции «биполярного полиса», выдвинутой де Полиньяком: согласно его выкладкам, в становлении полисной формы государственности определяющую роль сыграло основание крупных святилищ на границах хоры, на самой что ни есть «периферии». Такое святилище (аргосский Герайон, милетский Дидимейон и т. п.) служило сакральному «освоению» удаленного пространства, между ним и святынями города устанавливались незримые связи, возникало некое «силовое поле», сакрализующее в идеале всю территорию полиса. Впрочем, эта территория и в остальном была буквально наполнена «очагами сакрального» второго порядка – всеми этими

многочисленными святилищами богов и героев, священными рощами, чтимыми гробницами и пр.

В различных полисах сакрализация пространственных структур имела, что вполне закономерно, свои особенности. В частности, уникальным в этом плане, как и в большинстве других, был «несиноикизированный полис» Спарта. Упомянем хотя бы о территориальном аспекте спартанских погребальных обрядов: вразрез с общегреческой практикой, запрещавшей погребение умерших в городской черте, в Спарте никаких ограничений подобного рода не существовало. Это предполагает особый, совершенно нетипичный вариант сакрализации пространства.

Повторим и подчеркнем: мы попытались здесь только поставить (или даже наметить) ряд проблем, связанных с пространственным моделированием античного греческого полиса. Решение этих проблем представляется делом будущего; они еще не исследовались в историографии всерьез и на современном уровне и настоятельно требуют самого пристального изучения.

Акцентируем еще раз внимание на том принципиальном обстоятельстве, что полис целиком являлся сакральным пространством. Приведем в пользу этого дополнительный аргумент конкретно-эмпирического характера. В Афинах по законам Драконта об убийствах, принятых в 621 г. до н. э., но сохранявших силу еще на протяжении веков после этого, убийца изгонялся за пределы полисной территории. И если он после этого спокойно жил в изгнании, не предпринимая попыток возвратиться на родину, то никто его не разыскивал и не преследовал. Дело в том, что в античном менталитете едва ли не важнейшим аспектом убийства был аспект религиозный. Кровопролитие оскверняло убийцу, он становился источником культовой нечистоты, которая понималась в известном смысле как заразная болезнь. Соответственно, «заразиться» от него и стать тоже оскверненными могли сограждане, да даже и весь полис. Какой мог быть выход из этой ситуации? Оставить убийцу в полисе было, безусловно, нельзя; однако и его казнь представлялась не оптимальным выходом. Ответить на убийство убийством же — означало породить взамен старого источника скверны новый.

Кровная месть порождала ровно те же проблемы: возникала бесконечная цепь осквернений... А идея о том, что государство обладает достаточным сакральным авторитетом, чтобы своей властью снять скверну, ко времени Драконта, судя по всему, еще не сформировалась; мы встречаемся с ней только позже, с VI–V в. до н. э. В результате казалось, что самая безопасная для полиса мера по отношению к убийце – именно изгнать его, удалить из сакрального пространства. То, что он продолжал и после этого «носить свою скверну» где-то в другом месте, для полиса уже не было релевантным.

Еще один весьма характерный факт. «Рождение греческого полиса», или «первая архаическая революция», приходится в основном на VIII в. до н. э. Замечены два важных нюанса в области сакральной археологии этого периода. Один из них – появление крупных святилищ – уже отмечался выше. Не менее интересен другой, заключающийся в том, что именно на указанном хронологическом отрезке резко уменьшается количество предметов, особенно дорогостоящих, которые при похоронах кладутся родственниками в могилы умерших, и столь же резко увеличивается количество аналогичных предметов, но уже посвященных в храмы в качестве votivных приношений. Иными словами, то, что раньше шло в захоронения – средоточия частных, семейных культов, отныне идет в святилища – средоточия культов общеполисных.

В сущности, храм – один из ключевых пунктов, где происходит пресловутое рождение полисного духа, полисного единства и солидарности. Главные храмы полиса расположены в его центре, на почетнейшем месте. Это самые монументальные и импозантные здания в государстве, остальные постройки даже сравниться с ними не могут. И подобное трепетное отношение эллина к храму связано не с религиозно-мистической экзальтацией (как раз эта последняя была не слишком свойственна классическому греческому менталитету), а с тем, что храм для него есть средоточие полиса, полисного «космоса», полисных ценностей.

* * *

Переходим к таким чертам полиса, которым часто придают большое значение (особенно в отечественном антиковедении) и порой даже включают в определение этого феномена, но реальную роль которых, на наш взгляд, не следует преувеличивать, считая их интегральными, базовыми характеристиками полисного типа социума. Прежде всего речь идет о так называемой *античной форме собственности*. Именно ее наличие по большей части фигурирует в определениях полиса, даваемых в марксистской и постмарксистской российской историографии («гражданская община с античной формой собственности»). Как известно, понятие, о котором идет речь, введено К. Марксом, – кстати, в одной из его самых сильных работ «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

В связи с античной формой собственности прежде всего необходимо сказать несколько слов относительно того, в каком смысле понимать данную категорию. Иногда ее трактуют несколько упрощенно: в полисе имелись частновладельческие земли, но имелись в то же время и общинные, государственные (нередко их даже при описании греческих полисов называют римским термином *ager publicus*, «народное поле»). И в этом видят двуединство частной и общественной собственности. Кстати, наверное, не случайно используется именно латинское словосочетание: в Риме категория *ager publicus* фиксируется наиболее четко. Для ряда греческих полисов вопрос о формах существования «народного поля» не столь прост и однозначен. Впрочем, отвлекаясь от частных случаев, в целом, видимо, выделение двух типов земель можно признать приемлемым и достаточно корректным.

Однако мы сразу оказываемся перед проблемой: а что же здесь специфически античного, специфически полисного? В очень многих обществах мы встречаем такую дихотомию частной и государственной собственности на основное средство производства. Мы бы даже сказали, что таких обществ в истории подавляющее большинство. Чрезвычайно редки типы государств, в которых наличествовала бы только и исключительно государственная собственность, да и в них-то этот принцип никогда не был проведен с полной и исчерпывающей последова-

тельностью. Что же касается государств, в которых была бы только частная собственность, то они, насколько можно судить, вообще невозможны по определению. Одним словом, выдвинутый принцип никакой полисной специфики еще не демонстрирует.

Античную форму собственности понимают также и в ином, более продуманном смысле: суть ее видят в том, что гражданин полиса был собственником земли именно постольку, поскольку он являлся гражданином. Эти два статуса следует признать, как правило, неотъемлемыми друг от друга и обуславливавшими друг друга. Индивид, лично свободный, но не пользовавшийся гражданскими правами, не мог получить в собственность земельный надел. Сразу отметим, что, строго говоря, даже из этого правила возможны исключения, однако их сейчас можно не принимать во внимание, поскольку мы изучаем общий принцип. С другой стороны, гражданская община наделяла землей своих членов, а при необходимости могла и отобрать участок.

Сказанное означает, что именно полис, община, коллектив граждан выступал как верховный собственник всей полисной земли. В подобных условиях само право собственности на основное средство производства было обусловлено принадлежностью к гражданскому коллективу и контролировалось им. Это и выступает как античная форма собственности – форма, которую можно назвать двуединой и которой, вне сомнения, присуща некоторая парадоксальность. С одной стороны, нельзя сказать, что гражданин полиса не являлся частным собственником. С другой же стороны, в каком-то смысле он им действительно не являлся или, по крайней мере, не вполне являлся. Ведь его право на землю было неотъемлемым, только пока он оставался гражданином. В случае утраты этого статуса (например, по приговору суда за какое-либо преступление) полис на вполне законных основаниях лишал его надела. В принципе, полис мог провести и общий принудительный передел всех частновладельческих земель (*γῆς ἀναδάσμος*) на началах полного равенства между гражданами, то есть «черный передел», если пользоваться русской терминологией. Безусловно, названная здесь мера считалась революционной и/или тиранической по

своей сути, применялась крайне редко, но все-таки примеры такого рода известны.

Иными словами, античную форму собственности в таком понимании можно назвать *неполной частной собственностью*. Ее, как уже говорилось, часто считают интегральной и едва ли не главной чертой полисного типа общества. Так ли это? И имеем ли мы здесь столь уж непреодолимую границу с другими типами государств? Однако и в подавляющем большинстве современных обществ, даже самых либеральных, вряд ли существует такое положение вещей, при котором не-гражданину, иностранцу позволялось бы, приехав, свободно и без каких-либо ограничений приобретать в собственность землю. А на протяжении большей части человеческой истории это вообще не допускалось по вполне понятным причинам. Какие-то ограничения в данной сфере всегда налагались и, наверное, всегда будут налагаться, пока мир не превратился в единое государство.

Во многом аналогично обстоят дела и с лишением права собственности. И в большинстве современных государств, в принципе, приговором суда может быть проведена такая мера, как конфискация имущества. Можно поставить вопрос и в более общей форме: не является ли *любое* государство верховным собственником, в том числе и по отношению к частной собственности его граждан? В нормальных условиях это его право обычно не реализуется, однако, как ни парадоксально, оно все-таки существует. Строго говоря, каждое государство обладает достаточной силой – силой, намного превосходящей возможности отдельных граждан, – чтобы осуществить по отношению к этим гражданам, в том числе и к их собственности, меры легитимного насилия.

Повторим: в стабильной политической ситуации такого, как правило, в массовых масштабах не бывает. Но в условиях чрезвычайного положения, тем более, скажем, в условиях государственного переворота случаи, о которых идет речь, не столь уж и редки. Бесспорно, это не норма – но ведь и в условиях полиса экспроприация земли и иной собственности государством у граждан отнюдь не являлась нормой. А теоретически, в порядке исключения, обусловленного какими-либо обстоятельствами,

государственными нуждами и т. п., такая экспроприация практиковалась и практикуется, как в Античности, так и в наши дни. Ныне ее даже несравнимо легче осуществить технически. Мы, например, не понаслышке знаем, как государство может лишить граждан всех годами накопленных сбережений. Существуют даже разные способы сделать это: заморозить счета в сберкассах, провести конфискационный обмен купюр и др. Нельзя не признать, что в античном полисе столь грубый узаконенный произвол был невозможен или почти невозможен.

Правда, источники доносят до нас сведения о нескольких акциях подобного рода. Известна, в частности, так называемая монетная реформа тирана Гиппия в Афинах, осуществленная в конце его правления (510-е гг. до н. э.). «Ту монету, которая ходила у афинян, он объявил негодной и, установив стоимость ее, велел возвращать ему; а когда они были собраны для перечеканки, он выдал то же серебро» ([Arist.] Оес. II. 1347a4 sqq.). Никакой перечеканки не было предпринято, а просто при повторной раздаче денег гражданам статер (дидрахма) был объявлен тетрадрахмой; иными словами, ценность денег была приказным порядком понижена в два раза. Однако в любом случае такие меры могли быть только единичными, к тому же осуществимыми только при тираническом режиме. В обычных условиях из подобных манипуляций ничего бы не вышло – уже хотя бы потому, что древнегреческие деньги были полноценными, а не кредитными деньгами.

Одним словом, проблема античной формы собственности действительно нуждается в дополнительном осмыслении на предмет выявления действительно античной специфики, насколько таковую удастся обнаружить. Вопрос надлежит ставить так: не является ли государство в принципе – любое государство, не только полис – фактически верховным собственником, только в нормальных условиях не пуская в ход все свои потенции в этом направлении. Подробно углубляться в эту тематику весьма общего характера здесь нет, конечно, никакой возможности. А пока проблема не прояснена, нет полной уверенности, что неполная частная собственность, обусловленная принадлежностью к гражданскому коллективу и предполагающая наличие *ager publicus*, характерна именно и только для полисной

цивилизации, не встречаясь в иных социумах. Коль скоро это так, она не может выделяться в качестве отличительной черты полиса, его принципиальной характеристики.

* * *

А теперь остановимся на другой характеристике, которая, пожалуй, еще чаще (но, на наш взгляд, столь же неправоммерно) акцентируется в связи с полисом – и опять-таки преимущественно в советском и российском антиковедении. Речь идет о *рабовладении*, классическом рабстве. В отечественной историографии марксистского периода (а ее важнейшие работы и по сей день остаются авторитетными, поскольку более новых по данной проблематике появилось очень мало) полис однозначно характеризуется как рабовладельческое государство. Более того, атрибут «рабовладельческий» устойчиво прилагается к основным феноменам, существовавшим в рамках полиса («античная рабовладельческая демократия», «полисная рабовладельческая экономика» и т. п.).

Сформулируем свою принципиальную точку зрения по этому вопросу. Безусловно, никто не отрицал и никогда не будет отрицать сам факт наличия рабов в древнегреческом обществе. Рабство – такая форма зависимости и эксплуатации, которая имеет более чем почтенный возраст. Существовало оно задолго до появления полисов в Элладе, существует, в сущности, и по сей день. Нельзя не отметить, что и такая, например, форма зависимости и эксплуатации, как наемный труд, ни в коей мере не является порождением капитализма, а имеет не менее древнюю историю. Уже Гомеру известны лично свободные наемные работники (феты), причем их положение оценивается в эпосе как худшее по сравнению даже с положением раба.

Повторим, рабы, бесспорно, в полисах были; а вот существовал ли в них *класс* рабов – вопрос уже гораздо более сложный, и давать на него однозначно положительный ответ, как у нас обычно делалось, не столь уж и просто. Как известно, классы – группы людей, различающиеся по своему месту в системе общественного производства. А у рабов никогда не было какого-

то единого места в этой системе. Имелись рабы, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, и рабы-ремесленники, домашняя прислуга и «рабская интеллигенция»... В чисто хозяйственном отношении рабы были «рассеяны» по самым разным ячейкам социума. Что их всех объединяло – полное отсутствие каких-либо законом установленных прав, вплоть до права на человеческую личность. Иными словами, если рабы и выступают как какая-то общность – то не как общность экономического характера (класс в марксистском понимании), а как общность юридического характера, то есть *сословие*. Кстати говоря, «рабовладельцы» – это и не класс, и даже не сословие, а искусственно придуманный термин, не имеющий никакого античного соответствия. Нет древнегреческого слова, означающего «рабовладелец».

Но вернемся к основной нити изложения. Ныне уже никто не будет утверждать, что рабы когда-либо в древнегреческом обществе составляли большинство населения. Такого не было даже в самых высокоразвитых полисах и даже в эпоху их наивысшего процветания. В Афинах V–IV вв. до н. э. рабы составляли, насколько можно судить, не более трети всех жителей государства. Из этого *a fortiori* вытекает, что в других полисах, более типичных и, так сказать, средних, удельный вес рабов был еще меньше. Сразу договоримся, что мы не учитываем здесь илотов и сходные формы зависимости (статусы, определявшиеся античными авторами как «между свободными и рабами»), поскольку эти статусы были от статуса раба классического типа даже дальше, чем, скажем, от статуса крепостного крестьянина.

Указанный факт – численное меньшинство, часто значительное, рабов по сравнению со свободными – на самом деле очень важен, поскольку он подрывает представление о рабах как об «основном классе». Не удивительно, что в марксистской литературе этот факт обычно затушевывался диалектическими соображениями о том, что «основной класс» не обязательно должен быть самым многочисленным; достаточно, чтобы он был, так сказать, самым типичным. А что типично, что нетипично – в рамках этой системы взглядов определяется априорными установками. Русские революции 1905 и 1917 гг., крестьянские по своей сути, объявляли пролетарскими, а пролетариат, которого

в стране было в тот момент ничтожное меньшинство, — «основным классом», и всё это для того, чтобы история России лучше укладывалась в марксистскую «пятичленку». Не схожим ли образом обстоит дело и с рабами в античной Греции?

Был ли в действительности полис, и в частности классический демократический полис, основан — в системном смысле — на рабском труде? Те, кто так считает, придерживаются следующего хода аргументации. Члены гражданского коллектива полиса, массы граждан потому имели возможность принимать активное участие в управлении своим государством, что они располагали необходимым для этого досугом. А досуг у этих людей был именно потому, что им не приходилось работать: за них трудились рабы. «Цивилизация досуга» — так, например, характеризует греческую полисную цивилизацию Э. Д. Фролов; такое заглавие он даже дал ключевой главе своей книги «Факел Прометея».

Однако в действительности ситуация значительно сложнее. Парадокс греческой античности заключается в том, что те же самые крестьяне-граждане, которые посещали народное собрание и воплощали высшую власть в полисе, в полной мере занимались и физическим, сельскохозяйственным трудом. Если у крестьянина были рабы, они тоже, конечно, работали вместе с хозяином, однако это ни в коей мере не освобождало и его самого от необходимости трудиться. Тем не менее у него при этом оставалось время и для общественно-политической жизни.

Подчеркнем: мы отнюдь не отвергаем принципиальную характеристику полисной греческой цивилизации как «цивилизации досуга». Досуг у граждан полиса действительно был, но был вовсе не потому, что они, возложив всю работу на плечи рабов, бездельничали. Ни в коей мере; они трудились, но при этом располагали и необходимым досугом. Как и почему это получалось? Кратко сформулируем свою точку зрения на этот предмет.

Создается впечатление — и, насколько можно судить, оно обосновано, — что в доиндустриальные, докапиталистические эпохи люди в принципе работали меньше. Труд не был еще, как впоследствии, возведен в некий абсолют бытия. Трудовая этика

традиционных обществ, в отличие от капиталистической этики, предполагала не постоянный труд, направленный на производство максимально возможного количества товаров, а труд, необходимый для обеспечения условий существования.

Несколько отвлекаясь от Античности (но это отступление поможет кое-что лучше понять и ней), отметим интересное наблюдение, сделанное в этнографической литературе относительно первобытных обществ. Для нас является школьным постулатом, что жизнь человека первобытности была заполнена постоянным тяжким трудом, борьбой за выживание. Однако ученые, пронаблюдав за наиболее «примитивными» племенами наших дней, подсчитали, сколько времени их члены трудятся. Результат оказался неожиданным: в сумме 7–8 часов в неделю. Иными словами, они работают ровно столько, сколько нужно, чтобы создать себе некий жизнеобеспечивающий минимум на определенный период. Затем работа прекращается, и люди переходят к потреблению полученного в ходе этой работы; наступает время досуга. Кстати, если бы первобытные люди действительно непрерывно трудились, вряд ли человечество в принципе смогло бы продвинуться по пути цивилизации, оно осталось бы на низком уровне развития. Постоянный физический труд, мягко говоря, не лучшее условие для творчества.

Так и жизнь античного грека не была без остатка поглощена работой. В труде, как и во всем остальном, эллин знал меру, ощущая, что для гармоничного развития личности не менее необходим досуг. И трудился столько (и не больше), сколько было нужно, чтобы обеспечить себе этот досуг в достаточном количестве.

Вернемся к исключительно важному тезису: гражданин греческого полиса работал сам, рабский труд существовал, но имел, – во всяком случае, в сельском хозяйстве, то есть в основной сфере экономики, – скорее вспомогательный характер. Взгляд на древнегреческое общество как на рабовладельческое по существу, то есть основанное на рабском труде и без него невозможное, являет собой упрощение. Безусловно, представители социальной верхушки, люди самые зажиточные, лично не занимались физическим трудом (или, по крайней мере, имели такую

возможность). Но здесь опять же нет ничего специфически античного и рабовладельческого: элита общества во все эпохи не занимается физическим трудом, а нас сейчас интересует не она. Подавляющее же большинство свободных граждан от необходимости работать не были освобождены, даже и фактом наличия рабов.

Если выразиться несколько патетически, классический греческий полис – не полис бездельников-рабовладельцев, это, напротив, в полном смысле слова полис тружеников, земледельцев и ремесленников с мозолистыми руками. Основным производителем в греческом мире являлся не столько раб, сколько свободный гражданин; соответственно, роль рабовладения в этом социуме следует считать часто без нужды преувеличиваемой в историографии.

В марксистской и близкой к ней научной литературе часто встречается идея: не будь рабства – не было бы ни государственного деятеля Перикла, ни поэта Софокла, ни мудреца Сократа... Одним словом, всем своим расцветом блистательная древнегреческая цивилизация обязана рабовладельческим отношениям. Однако по этой логике в начале VI в. до н. э., когда рабовладение в Афинах еще не получило сколько-нибудь значительного развития, не могло быть Солон, который являлся одновременно и государственным деятелем, и поэтом, и мудрецом (так сказать, «Перикл, Софокл и Сократ в одном флаконе»). А он, тем не менее, был. Необходимо помнить: полис появился и сформировался в своих наиболее принципиальных чертах *раньше* возникновения классического рабства, стало быть, вполне мог обходиться и без него; рабство не было обязательным, неотъемлемым, интегральным явлением полисной жизни.

А. Л. Смышляев, ознакомившись с рукописью предварительного варианта этой работы, возразил: «Если бы в V в. до н. э. исчезли все рабы в Афинах, то им пришлось бы обходиться без Перикла и других представителей его класса». Так ли это? У нас возникают серьезные сомнения. Что бы делал Перикл, если бы в его эпоху не было рабов? Думается, что делал бы примерно то же самое, то есть занимался бы политикой. Он был богатым человеком, и основой его (и таких людей, как он) богатства было,

конечно, не рабовладение, а крупное, по греческим меркам, землевладение. Не будь рабов – Перикл всё равно не бедствовал бы. Он, например, разделив свои земли на небольшие наделы, сдавал бы их арендаторам (арендные отношения в классических Афинах были широко распространены). Или обрабатывал бы их руками вольнонаемных фетов. Кстати, тратил бы на оплату этих батраков лишь чуть-чуть побольше, чем на содержание соответствующего количества рабов, – а может быть, даже и меньше. Но траты, доходы и прочие вещи его вообще очень мало интересовали, судя по описанию Плутархом (Pericl. 16) перикловского подхода к ведению личного хозяйства – подхода по видимости рыночного, а по существу – чисто антирыночного, приносившего Периклу вместо дохода один убыток, зато дававшего досуг.

По нашему глубокому убеждению, такая категория, как «рабовладельческое общество», – фикция. Есть три (и, кажется, только три) способа юридического оформления труда (если исключить труд на себя, то есть труд хозяина). Это рабство, крепостная зависимость, вольный наём. И, что интересно, все три есть всегда! Они не сменяют друг друга стадийно, как думали марксисты. Все три вида мы застаем и на самых ранних этапах истории человеческого общества, и на самых поздних. И на Древнем Востоке есть все три (причем подчас в рамках одного и того же социума); и в Греции, начиная уже с микенских и гомеровских времен, есть все три. И в XX веке есть все три! В советской России были и рабы (армии заключенных), и крепостные (колхозники), и вольнонаемные.

Нужно еще сказать, что афиноцентризм здесь опять дезориентирует. Богатые, процветающие, огромные, по эллинским меркам, Афины, в которых действительно было сравнительно много рабов, – не правило, а исключение, равно как и Спарта, в которой рабов классического типа не было вовсе.

В Афинах всё было «не так, как везде». Это государство, в частности, могло позволить себе платить должностным лицам за исполнение их обязанностей: в казне имелись для этого средства. Нигде больше в греческом мире подобная практика не зафиксирована.

Иными словами, если мы лучше хотим понять подлинные реалии Эллады, нам нужно представить не Афины, а гораздо более типичный полис – небольшой и расположенный где-нибудь в «глубинке», допустим в Аркадии. Среди полисов этой области известен ряд таких, которые имели демократическое правление.

Иными словами, в таком полисе граждане в массе своей ходили в народное собрание, и сами же они (а кто еще?) замещали должности и булевтов (членов Совета), и судей, и те магистратуры, которые в данном полисе были. А в условиях маленького гражданского коллектива каждому гражданину, несомненно, приходилось вступать в ту или иную должность довольно часто. И в то же время они – в этом опять-таки нет никакого сомнения – все сами трудились. Ведь в описанном здесь полисе мало у кого были рабы, – тем более в таком количестве, чтобы освободить хозяина от работы.

Одним словом, общий принцип можно сформулировать так: в большинстве греческих полисов, безусловно, применялся рабский труд, в некоторых из них – даже в значительном количестве, но вряд ли можно сказать, что они совсем не могли обходиться без рабовладения, что оно определяло характер их общества. Все-таки греческая античность – в основе своей крестьянская, а не рабовладельческая цивилизация.

* * *

Итак, выработка даже самого первичного, рабочего определения полиса оказалась делом достаточно сложным, а само это определение – чрезвычайно многокомпонентным. В какой-то степени можно сказать, что уже делом вкуса того или иного исследователя является, какие из компонентов выдвигать на первый план, а какие считать второстепенными. Так, автору этих строк исключительно важной характеристикой именно архаического и классического полиса (то есть собственно «полиса полисной эпохи», если выразиться тавтологично) представляется государственный суверенитет. По контрасту с периодом эллинизма, когда полис уже не обязательно являлся государством (хотя в ряде случаев и являлся), в доэллинистическое время он в норме выступает именно как государство.

Почему мы делаем на этом особенный акцент? В связи с интересной концептуальной коллизией, возникшей в последнее время в науке. Полисный тип государственности очень оригинален и своеобразен. В частности, его весьма рельефной особенностью, бросающейся в глаза каждому, кто им сколько-нибудь углубленно занимается, является следующее обстоятельство: полис был «государством без бюрократии». Вот это в наибольшей степени поражает, причем не столько историков, сколько многих представителей политических наук. Последним обычно приходится иметь дело с более традиционными государственными формами, вполне бюрократическими: ведь таковые на протяжении человеческой истории в целом, конечно, решительно преобладали.

В связи со сказанным ряд влиятельных специалистов (повторим, что речь идет в основном не об исторической, а о политологической литературе) высказывает сомнения, можно ли вообще считать полис государством, не является ли он какой-то иной формой общности людей. Нередко предлагается применять к полису определение «протогосударства».

Данный тезис, проведенный в категоричной форме, бесспорно, являет собой досадную крайность и не может вызвать одобрения у историков – хотя бы потому, что они прекрасно знают: государства в мировой истории могут принимать самые разнообразные формы, они совершенно не обязательно должны быть похожи на то, что привычно нам. Однако даже крайние точки зрения не возникают немотивированно. В данном случае объективным основанием для недоразумения послужило то обстоятельство, что полис действительно уникален. Он не просто не похож, а кардинально не похож на большинство иных государств, древних или современных. Его специфика, возможно, и заслуживала бы какого-то специального места в категориальном аппарате.

Но при всём том отнесение полиса к разряду «протогосударств» решительно неприемлемо. На этой шкале полис оказался бы уравнен, скажем, с потестарными образованиями позднего родоплеменного строя, накануне перехода к «настоящей» государственности. На самом деле полис – нечто

совсем, совсем иное. Кроме того, в самой приставке «прото-», хотим мы того или не хотим, присутствует некий пренебрежительный оттенок, предполагающий в известном смысле что-то «недоделанное», несовершенное по сравнению с традиционными бюрократическими государствами. А в действительности ситуация прямо противоположна. В полисе нет ничего «недоделанного». Он напоминает произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения, является системой, настолько продуманной и отточенной во всех деталях, что уже ничего «ни прибавить, ни убавить». Полис – некая великолепная целостность, социальный и духовный «космос». По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в мировой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива, давал реальное, а не фиктивное равенство граждан, реальное, а не фиктивное широкое политическое участие. Все остальные формы государственности по сравнению с полисом выглядят уже некоторой деградацией, пусть даже и неизбежной. Ни в каких других типах государств не было такого раскрепощения творческого, состязательного духа, такого взлета и процветания культуры и т. д.

Здесь мы хотели бы высказать мысль, которая, несомненно, покажется парадоксальной: полис – не «протогосударство», а, если можно так выразиться, «постгосударство», более высокая и совершенная ступень человеческого общежития, нежели обычные государства. Подчеркнем, что данный тезис предлагается в сугубо гипотетической форме, как тезис заведомо спорный; если введение нового термина вызовет дискуссию, с чьей-то стороны – несогласие, то это будет только полезно для развития науки об Античности.

Такой тип общности людей, «постгосударство», насколько можно судить, был редчайшим и нигде более за пределами полисного мира не встречающимся. Да и полисному миру античной Греции на этой высоте суждено было удержаться не очень долго – всего лишь несколько веков, а потом, в эпоху эллинизма, в основном произошел «откат» к обычному для древности типу государственности, к бюрократическим монар-

хиям, процесс эволюции «от гражданина к подданному», как его часто характеризуют в историографии. Может быть, дух «постгосударства» дольше, чем в эллинистическом мире, удержался в Риме: Римская империя, например, в годы правления династии Антонинов производит очень благоприятное впечатление. В Риме, впрочем, тоже, в конце концов, полисная по истокам система принципата сменилась чуждой полису системой домината, но на римских реалиях мы, естественно, специально останавливаться здесь не будем.

Вернемся к полису греческому. Этот уникальный феномен мог сложиться только в уникальных исторических условиях. «Постгосударство» уже по определению должно формироваться после государства. В Греции мы видим как раз такой случай: повторное рождение государственности на обломках микенских дворцовых царств – государств обычного, «бюрократического» типа. Для греков речь шла о второй попытке создания цивилизации, и этим уже многое сказано.

Иными словами, полис был вторичным образованием. Государственность же, формирующаяся не «с нуля», а на руинах предыдущей государственности, вольно или невольно учащаяся на ее ошибках и старающаяся этих ошибок не делать, вырастает в конечном счете во что-то новое, невиданное.

* * *

В связи с проблемой происхождения полиса нам представляется необходимым специально оговорить одно важное обстоятельство. В исторической науке является чрезвычайно распространенной, можно сказать, общепринятой точка зрения, суть которой выражается, например, следующей цитатой: «История человечества знает самые разнообразные формы государства, возникавшие в ходе разложения родоплеменного строя. Античный полис представляет собой один из вариантов нередко возникающего в этих условиях города-государства...». Говорят о «разрушении родоплеменного уклада жизни», о «процессе разрушения родоплеменной структуры связей» в Греции в период становления полиса.

Приведенные цитаты взяты из замечательной книги А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.». Это получилось чисто случайно – просто книга оказалась под рукой. С тем же успехом мы могли бы процитировать абсолютно аналогичные суждения из десятков других работ. Поэтому никаких претензий к такому выдающемуся специалисту, каким был А. И. Зайцев, нет и быть не может. Ученый просто воспроизвел решительно преобладающее в антиковедении мнение. Но верно ли само это мнение?

Здесь у нас имеются серьезные возражения. Вырос ли полис из родоплеменной структуры общества, в ходе разложения и разрушения этого строя? Несомненно, в большинстве случаев ранние государства именно так и рождались. Но греческий полис, как мы уже видели, являет собой особый случай.

Первые государства в Греции появились во II тыс. до н. э., и, следовательно, пресловутые родоплеменные структуры были в основном разрушены уже тогда. В ходе «микенского коллапса» (который, кстати, в действительности не был таким уж коллапсом, как еще не столь давно принято было считать) произошла регенерация некоторых элементов догосударственного, позднепервобытного социума. Но родовое общество как система, в полном и целостном виде, возродиться, конечно, уже не могло. Так, можно с полной уверенностью утверждать, что уже греческая община II тыс. до н. э. – это соседская община. И именно из нее, а не из общины родовой сложился полис. К периоду греческой архаики подлинное родовое общество уже было позавчерашним днем.

В рассмотрение данного вопроса вносит некоторую путаницу тот факт, что в архаической Элладе (да и не только в архаической, но еще и в классической, и даже в послеклассической) источниками фиксируются аристократические роды (если ограничиться афинским материалом – Алкмеониды, Филаиды, Керики, Ликомиды, Этеобутады и др.). И, казалось бы, логичен ход рассуждения: раз есть роды («кланы», как их весьма нередко, хотя и некорректно, именуют в исследовательской литературе) – значит, есть и родовое общество или, во всяком случае, его рудименты. Однако на самом деле здесь дезориентирует

многозначная лексема «род»: все эти и другие греческие аристократические роды имеют ничуть не большее отношение к родоплеменным структурам, чем, допустим, русские аристократические роды Шереметевых, Голицыных, Юсуповых и др. Приведенная параллель не имеет характера некоей описательной метафоры, она вполне буквальна: речь идет о феноменах, аналогичных во всех отношениях, не только по форме, но и по сути. В обоих случаях перед нами вторичное, достаточное позднее явление, к первобытности отнюдь не восходящее и с древним кланом ни в какой связи не состоящее. Относительно русских дворянских родов столь очевидную вещь и доказывать не надо; что же касается родов греческих, то их схожая сущность была убедительно продемонстрирована Ф. Буррио, Д. Русселем и рядом других антиковедов.

Сказанное относится и к другим реалиям, которые обычно считают пережиточными элементами родоплеменного быта в античной Греции. Речь идет о филах и фратриях. Однако и здесь сходство мнимое, чисто внешнее. Термин «фила» обычно переводят как «племя». Но далеко не факт, что такое соответствие вполне корректно. Есть, в частности, мнения, что греческие филы – единицы, близкие скорее к индийским варнам, то есть явлению совсем иного порядка. В любом случае вопрос весьма сложен и не может быть однозначно решен при имеющемся состоянии источников. Наконец, фратрия, как весьма убедительно показал в свое время У. Дж. Форрест, является довольно поздним социальным феноменом, возникшим уже в начале I тыс. до н. э. и искусственно соотнесенным с системой родов.

Кстати, следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. В отличие от «классических» ирокезских родов, описанных Морганом и ставших неким эвристическим эталоном, и даже в отличие от римских родов, роды греческие включали в себя не всех граждан, а именно только аристократов. Члены фратрии в Афинах делились на «геннетов» и «оргеонов». Первые – это те граждане, которые, по определению, входили в состав родов (γεννηται – от γένος, «род»), и они же являлись полисной знатью. А семьи оргеонов (незнатных афинян) входили во фратрии напрямую, минуя роды. Родоплеменные структуры в

их традиционном понимании подобных ситуаций не предусматривают.

* * *

Итак, тезис о вырастании полиса непосредственно из родоплеменного общества в корне неверен. Он просто противоречит фактам, не выдерживает критики ни с исторических, ни со структурных позиций. Полис, повторим, вырос на обломках другой государственности, уже высокоразвитой, погибшей, но оставившей о себе память. И это во многом обусловило специфику полиса.

Ряд характерно полисных потестарных терминов встречается уже в письменных памятниках микенской эпохи, в том числе такой важный, как «демос». Особенно интересна эволюция термина «басилей». На табличках линейного письма В эта должность фигурирует, но отнюдь не предстает каким-то очень высоким саном. Басилеи того времени были, по преобладающему в науке мнению, главами отдельных сельских общин и подчинялись верховной власти владыки дворцового царства — анакта, то есть являлись фактически чиновниками в бюрократическом аппарате государства, нижними звеньями административной цепочки. Басилей II тыс. до н. э. — что-то вроде сельского старосты; под контролем царя-анакта могли находиться несколько десятков басилеев.

А впоследствии, в классическом греческом языке, слово «басилей» получило в высшей степени устойчивое значение «царь», вытеснив в этой роли слово «анакт». Эта-то смена царского титула — от «анакта» к «басилею» — в значительной степени является ключом к разгадке тех перемен в политической сфере, которые произошли в Греции между II и I тыс. до н. э., породив радикальные новшества в характере социума. Катастрофические этномиграционные процессы конца микенской эпохи, в источниках определяемые как «дорийское вторжение», стали катализатором падения ахейских дворцовых царств. Дворцы были сожжены или разрушены, в лучшем случае постепенно заброшены; исчезла (сохранившись только на

отдаленном Кипре) слоговая письменность, применявшаяся исключительно для нужд дворцового хозяйства, а отныне больше не нужная.

Однако мир сельских общин, входивший в состав микенских государств, естественно, никуда не делся, он продолжал существовать. Если можно так выразиться, анакты исчезли, но басилеи остались. Они-то и стали теперь высшей, ни от кого не зависящей властью, «последней инстанцией». С социума был как бы снят самый верхний этаж. И этот социум распался, расчленился, превратился в конгломерат мелких сельских общин, пестрый и в то же время единообразный. Каждая такая община на начальном этапе представляла собой деревню или, в лучшем случае, поселок, окруженный сельскохозяйственными угодьями, но все они гордо называли себя полисами, то есть «городами» (хотя в стадильном плане являлись еще протополисами). Как бы то ни было, эти общины пользовались полной самостоятельностью и в этом смысле являлись уже зачатками будущих архаических и классических полисов. Дальнейшее их развитие было развертыванием потенций, изначально заложенных в самом феномене.

Полис и даже протополис уже с первых шагов своего существования замыкался на себя, «окукливался», превращался в самодовлеющий мирок, опирающийся, по возможности, только на собственные силы и противопоставленный остальному миру. В чисто гипотетическом порядке выскажем предположение, что это было своеобразной реакцией на централизацию «дворцовых царств» микенской эпохи – централизацию, от которой общины, входившие в состав государства, ничего не имели, кроме безудержной эксплуатации. По контрасту с таким прошлым теперь хотелось «пожить на свободе». Именно понятие свободы (ἐλευθερία), политической и экономической, стало ключевым для полиса, формировалось вместе с ним, проявлялось в уже упоминавшихся принципах автономии и автаркии.

В течение эпохи архаики, в ходе первой «архаической революции», полисы шагнули на стадию государственности. Собственно, именно здесь мы видим грань между протополисом и полисом в точном смысле слова: протополис – гражданская

община, еще не ставшая государством, а полис – гражданская община, уже таковым ставшая. Процесс формирования государственности – процесс всегда не одномоментный, а достаточно длительный и постепенный. К тому же многокомпонентный и тем самым сложный для постижения. Всегда очень трудно, зачастую невозможно провести четкое и однозначное деление: вот до такого-то момента данная община еще не государство, а с такого-то – уже государство. Здесь играют роль и скудость источниковой базы для этой ранней эпохи, и проблема единого критерия.

Так, часто считают, что моментом перехода на государственную стадию следует признавать издание в том или ином полисе свода письменных законов. И значительная доля истины в такой точке зрения есть. Никто не будет спорить с тем, что категория закона (*νόμος*) была очень важна для полисного бытия. Вспомним известный афоризм философа Гераклита Эфесского (DK 22 B44): «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]».

Однако существует и обстоятельство, в известной степени ослабляющее силу только что приведенного аргумента. Законы в одних полисах принимались раньше, в других позже, и, строго говоря, нет полной уверенности в том, что все без исключения греческие полисы в архаическую и даже классическую эпоху располагали законодательными сводами. Вполне допускаем возможность, что какие-то из малых полисов вообще никогда такими сводами не обзавелись, что, однако, не дает еще возможности исключать их из числа полисов. Следовательно, все-таки нельзя категорично говорить о законах как об абсолютно необходимом условии существования полиса, без которого он полисом быть не может.

В связи с процитированным суждением Гераклита обратим внимание на вторую, наряду с законом, реалию, упоминаемую в нем, т. е. на городскую стену. Вот ее наличие, кажется, можно признать интегральным, конституирующим элементом и признаком полиса, – во всяком случае, полностью сформировавшегося полиса. Имеющиеся исключения только подтверждают правило. Так, оборонительных укреплений ни в архаическую, ни

в классическую эпоху не имела Спарта; но то была вполне сознательная позиция гражданского коллектива спартиатов. «Бесстенная» Спарта была в данном отношении уникальной и всеми современниками воспринималась в качестве таковой.

* * *

В рамках столь краткого очерка, разумеется, не представляется возможным затронуть – хотя бы в самой краткой форме – все сколько-нибудь важные вопросы, связанные с архаическим и классическим полисом. Какие-то проблемы неизбежно остаются за пределами нашего рассмотрения. Можно лишь попытаться в заключительной части предельно конспективно поставить – или даже просто наметить – некоторые из этих проблем.

Так, весьма интересным, пока еще недостаточно изученным представляется вопрос о подразделениях полиса. В Афинах такими подразделениями были прежде всего демы – в некоторых отношениях своеобразные «мини-полисы», если не считать отсутствия политического суверенитета. Да, кстати, и это «мини-» следует понимать весьма относительно. Например, такой дем, как Пирей, по численности населения, несомненно, превосходил многие «настоящие», независимые полисы.

Дем может быть определен, хотя и не без оговорок, с одной стороны, как административно-территориальный округ, а с другой – как локальная община, естественно выросшая или искусственно созданная. В четырехчленной системе «дем – триттия – фила – полис» он являлся, говоря формально, низшим, так сказать, «первичным» звеном. Однако это его кажущееся низким положение не должно вводить в заблуждение. Для реального функционирования афинского государства дем имел, пожалуй, большее значение, нежели фила или триттия. По своим ключевым параметрам это низшее звено, как ни парадоксально, в наибольшей степени приближалось к высшему, то есть полису в целом. Дем, как и полис, в полной мере представлял собой политическое единство, чего нельзя сказать о промежуточных структурных единицах.

Роль демов в общественной жизни выступает в Аттике весьма выпукло. Статус гражданина полиса обуславливался в первую очередь именно членством в деме, поскольку гражданские списки велись по демам. Если даровали гражданские права чужеземцу, то его обязательно приписывали к какому-нибудь дему. Демотик (то есть обозначение принадлежности именно к дему, а не к триттии или филе) был, начиная с реформ Клисфена, обязательным, неотъемлемым компонентом официального гражданского имени каждого афинянина.

Еще важнее для нас, что дем по своему устройству, как уже отмечалось, представлял точную копию полиса, был, по сути, полисом в миниатюре. Кстати, тем самым Афины в целом парадоксальным образом приобретали некоторые характеристики федеративного государства. Дем обладал функционировавшим на постоянной основе штатом выборных магистратов во главе с демархом, наделенным довольно значительными полномочиями. В демах регулярно созывались народные собрания (характерно называвшиеся *ἀγοραί*), на которых принимались псефисмы, кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии. Таким образом, на уровне дема существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной, складывалась своя политическая элита – в известной мере «кузница кадров» для политической элиты полиса. Так, именно из среды верхушки демотов, насколько можно судить, вышли многие (если не большинство) из так называемых демагогов, или «новых политиков», начиная с последней трети V в. до н. э.

Кстати, складывание политической элиты полиса, ее состав – тоже круг весьма интересных вопросов, которые мы здесь в полной мере не можем осветить. Отметим только, что мы не солидарны с развиваемой некоторыми специалистами (в частности, Х. Тумансом) точкой зрения, согласно которой «новые политики» из числа незнатных, но разбогатевших ремесленников и торговцев вошли в состав этой элиты уже в архаическую эпоху. На протяжении ряда лет занимаясь проблемами политической истории архаических Афин и, в частности, ее просопографическим аспектом, мы можем ответственно утверждать, что для этого периода в числе сколько-нибудь видных политиков лица, не

принадлежавшие к аристократии, вообще не фиксируются. Все ведущие «государственные мужи» – представители знатнейших семейств. Так было и во времена Солона и Писистрата, и во времена Клисфена и Мильтиада, и даже во времена Кимона и Перикла (лишь в послеперикловское время ситуация меняется). В этой среде репутацию «парвеню» и «неполноценного» имел, например, Фемистокл – отнюдь не ремесленник и не торговец, а просто выходец из второстепенной, сельской ветви аристократического рода Ликомидов.

Подводя итоги, необходимо еще раз заметить: практически все проблемы, связанные с феноменом греческого полиса, чрезвычайно сложны и многогранны, не поддаются однозначному и категоричному разрешению. Здесь мы представили свой взгляд на вещи, отнюдь не настаивая на его безусловной и единственной истинности. На все без исключения вопросы, поставленные нами, возможны и иные ответы. Какие-то из тезисов, выдвинутых выше, имеют сознательно полемический характер. Хочется надеяться, что обсуждение тематики полиса, в последнее время активизировавшееся как в зарубежной, так и в отечественной науке, приведет, в конечном счете, если не к исчерпывающему (это вряд ли возможно), то, во всяком случае, к лучшему, более полному и корректному пониманию этого явления античной и мировой истории.

Литература

1. Андреев, Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период) / Ю. В. Андреев. – Л., 1976.
2. Андреев, Ю. В. Античный полис и восточные города-государства / Ю. В. Андреев // Античный полис. – Л., 1979. С. 8–27.
3. Андреев, Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю. В. Андреев. – СПб., 1998.
4. Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1–2. – М., 1983.
5. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан. – М., 1988.
6. Глускина, Л. М. О специфике классического греческого полиса в связи с проблемой его кризиса / Л. М. Глускина // ВДИ. – 1973. – № 2. – С. 27–41.

7. Зайцев, А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / А. И. Зайцев – 2 изд. – СПб., 2000.
8. Карпюк, С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин / С. Г. Карпюк. – М., 2003.
9. Кошеленко, Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке / Г. А. Кошеленко. – М., 1979.
10. Кошеленко, Г. А. Полис и город: к постановке проблемы / Г. А. Кошеленко // ВДИ. – 1980. – № 1. – С. 3–27.
11. Маринович, Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса) / Л. П. Маринович. – М., 1993.
12. Строгоцкий, В. М. Полис и империя в классической Греции / В. М. Строгоцкий. – Н. Новгород, 1991.
13. Суриков, И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. / И. Е. Суриков. – М., 2000.
14. Суриков, И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах / И. Е. Суриков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. – М., 2004. – С. 175–188.
15. Суриков, И. Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена / И. Е. Суриков // Studia historica. Вып. 4. – М., 2004. – С. 164–176.
16. Суриков, И. Е. «Полиархия» или всё-таки полис? / И. Е. Суриков // Studia historica. Вып. 4. – М., 2004. – С. 150–163.
17. Суриков, И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика / И. Е. Суриков. – М., 2005.
18. Суриков, И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) / И. Е. Суриков // ВДИ. – 2005. – № 1. – С. 15–33.
19. Суриков, И. Е. Эволюция афинского архонтата / И. Е. Суриков // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций»: Статьи и тезисы докладов. Ч. 2. – М., 2007. – С. 28–48.
20. Туманс, Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Х. Туманс. – СПб., 2002.
21. Туманс, Х. К идее государства в архаической Греции / Х. Туманс // ВДИ. – 2006. – № 3. – С. 77–105.
22. Фролов, Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. – Л., 1981.
23. Фролов, Э. Д. Рождение греческого полиса / Э. Д. Фролов. – Л., 1988.
24. Фюстель де Куланж, Н. Д. Древняя гражданская община / Н. Д. Фюстель де Куланж. – М., 1903.

25. Щеглов, А. Н. Полис и хора / А. Н. Щеглов. – Симферополь, 1976.
26. *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece.* – Oxf., 2000.
27. *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* – Stuttgart, 1995.
28. Bourriot, F. *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique* / F. Bourriot. – Lille – P., 1976. – T. 1–2.
29. Cohen, E. E. *The Athenian Nation* / E. E. Cohen. – Princeton, 2000.
30. Connor, W. R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens* / W. R. Connor. – Princeton, 1971.
31. Davies, J. K. *Democracy without Theory* / J. K. Davies // *Herodotus and his World.* – Oxf., 2003. – P. 319–335.
32. *The Development of the Polis in Archaic Greece.* – L.; N. Y., 1997.
33. Ducrey, P. *La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité?* / P. Ducrey // *Sources for the Ancient Greece City-State.* – Copenhagen, 1995. – P. 245–256.
34. Ehrenberg, V. *Der Staat der Griechen* / V. Ehrenberg. – Lpz., 1957.
35. Finley, M. I. *Politics in the Ancient World* / M. I. Finley. – Cambridge, 1983.
36. Finley, M. I. *Authority and Legitimacy in the Classical City-State* / M. I. Finley. – København, 1982.
37. *The Greek City: From Homer to Alexander.* – Oxf., 1991.
38. Forrest, W. G. *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B. C.* / W. G. Forrest. – L., 1966.
39. Funke, P. *Politische und soziale Identitätsformen jenseits der Polis* / P. Funke // *Sinn (in) der Antike: Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum.* – Mainz am Rhein, 2003. – S. 211–224.
40. Gawantka, W. *Die sogenannte Polis* / W. Gawantka. – Stuttgart, 1985.
41. Glotz, G. *La cité grecque* / G. Glotz. – P., 1968.
42. Hansen, M. H. *Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent* / M. H. Hansen. – Copenhagen, 1998.
43. Hansen, M. H. *The Hellenic Polis* / M. H. Hansen // *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures.* – Copenhagen, 2000. – P. 141–187.
44. Hansen, M. H. *A Survey of the Use of the Word Polis in Archaic and Classical Sources* / M. H. Hansen // *Further Studies in the Ancient Greek Polis.* – Stuttgart, 2000. – P. 173–215.
45. *Hellenische Poleis: Krise – Wandlung – Wirkung.* – Bd. 1–4. – B., 1974.
46. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis.* – Oxf., 2004.
47. Morris, I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State* / I. Morris. – Cambridge, 1989.
48. Osborne, R. *Demos. The Discovery of Classical Attika* / R. Osborne. – Cambridge, 1985.

49. Osborne, R. *Greece in the Making, 1200–479 B. C.* / R. Osborne. – L.; N. Y., 1996.
50. Polignac, F. de. *La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C.* / F. de. Polignac. – P., 1984.
51. Polignac, F. de. *Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State* / F. de. Polignac. – Chicago, 1995.
52. Rhodes, P. J. *The Decrees of the Greek States* / P. J. Rhodes, D. M. Lewis. – Oxf., 1997.
53. Roussel, D. *Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique* / D. Roussel. – P., 1976.
54. Raaflaub, K. *Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen* / K. Raaflaub. – München, 1985.
55. Sealey, R. *A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B. C.* / R. Sealey. – Berkeley, 1976.
56. Snodgrass, A. *Archaic Greece: The Age of Experiment* / A. Snodgrass. – Berkeley, 1981.
57. Starr, Ch.G. *Individual and Community: The Rise of the Polis, 800–500 B. C.* / Ch.G. Starr. – N. Y. – Oxf., 1986.
58. Thomas, C. G. *Citadel to City-state: The Transformation of Greece, 1200–700 B. C.* / C. G. Thomas, C. Conant. – Bloomington, 1999.
59. Walter, U. *An der Polis teilhaben: Bürgerschaft und Zugehörigkeit im archaischen Griechenland* / U. Walter. – Stuttgart, 1993.
60. Welwei, K.-W. *Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. 2 Aufl.* / K.-W. Welwei. – Stuttgart, 1998.
61. Welwei, K.-W. *Polis und Arché: Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt.* / K.-W. Welwei. – Stuttgart, 2000.
62. Whitehead, D. *The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B. C.* / D. Whitehead. – Princeton, 1986.
63. Whitehead, D. *Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2)* / D. Whitehead // *Classical Quarterly*. – 2001. – Vol. 51, № 2. – P. 604–607.
64. Wood, E. M. *Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy* / E. M. Wood. – L., 1988.

В. В. Дементьева

Римская *civitas* республиканской эпохи

Античная цивилизация – цивилизация не только греческая, но и римская; термины «греко-римская» и «античная» по отношению к этому социокультурному феномену мировой истории употребляются как синонимы. Глубинное единство греческого и римского мира, отраженное в этой синонимичности понятий, создавала общая первооснова – полисная организация.

Полис – государство, существовавшее в рамках одной гражданской общины, интегрирующим центром которой – политическим, военным, культовым – был город. Полис – политически организованный коллектив граждан, конституирующий себя как государство, населявший определенную территорию, обеспечивавшую гражданам материальные условия жизни (прежде всего хозяйственные занятия) и являвшую собой обособленное сакральное пространство. Существование гражданского коллектива в полисной организации представляло собой неразрывное единство урбанизированной (по-городскому обустроенной) и сельскохозяйственной (в отношении приоритетного труда) жизни.

«Полис» (πόλις) – слово, пришедшее из греческого языка. Римляне называли свою гражданскую общину латинским словом «*civitas*». *Civitas Romana* – коллектив римских граждан, имеющий свою, особым образом структурированную политическую организацию, свои способы поддержания материальной стороны существования, а также именно ему присущие формы духовной жизни и преемственности исторической памяти. Мы вправе считать ее типологически относящейся к полисной организации и понимать как вариант полисного устройства. «В принципе, античный полис и на греческой, и на римской почве – явление однотипное, что не исключает разнообразия конкретных вариантов. Ведь и греческие полисы не являются слепком друг с

друга» (И. Л. Маяк). Полисы – это те «кирпичики», из которых сложена в целом античная цивилизация. Но на греческой и римской территории из этих «кирпичиков» были построены далеко не стандартные (полностью одинаковые) здания. В чем специфика римского варианта, мы и попытаемся обсудить.

Формируясь в царский период римской архаики, римская община (пройдя путь от родовой общины через стадию соседской, как обосновывает И. Л. Маяк) становится гражданской в эпоху Республики. Более четырех с половиной веков республиканской истории (509–27 г. до н. э.), разумеется, дают на различных хронологических отрезках отличающиеся характеристики римской гражданской жизни. Мы вынуждены – ввиду ограниченности объема пособия – рассмотреть, главным образом, ее «классический» ракурс, отвлекаясь в данный момент от особенностей как стадии формирования, так и состояния в период заката Республики. Естественно, что наш взгляд не претендует ни на всеохватывающую полноту, ни на единственность точки зрения на предмет. Мы попытаемся дать проекцию полисной проблематики на римский материал, исходя из собственного опыта его изучения, при опоре на те достижения историографии в данной области, которые воспринимаются нами как принципиально значимые.

Полис предполагает такую систему общественной организации, которая базируется на рациональности, коллективном установлении фундаментальных норм совместной жизни, признании обязательности сообща принятых решений, гарантии личной свободы граждан. На этих основаниях покоилась и римская община республиканского времени. Свобода граждан постулировалась и в законодательстве, и в религии, которая формировала рациональные отношения мира людей с миром богов.

Так же как у греческих авторов по отношению к своему полису, у римских главным качеством, определявшим их социум, было наличие гражданского коллектива, который живет по единому праву, одним и тем же обычаям, объединен политикой и войной, связан экономическими отношениями, имеет общность религиозных воззрений, идеологии и разнообразных интересов. Цицерон, подчеркивая, что принадлежность к *civitas* создает

очень тесные узы, писал, что у граждан много общего: форум, священные места, портики, улицы, законы, права, правосудие, кроме того, обычаи и дружеские связи, а у многих друг с другом деловые отношения и соглашения (De off. I. 17.53). Civitas понималась римлянами одновременно как гражданское население, городское пространство, публично-правовая организация. Согласно Авлу Геллию, слово «civitas» употребляли, когда говорили и про место, и про город, и про общее для всех право, и про множество людей (XVIII. 7.5).

Гражданское население римской civitas называлось «квириты» (Quirites, cives). Одно из распространенных толкований слова «квириты» – члены куриатной, т.е. гентильной (родовой), организации (И. Л. Маяк).

Сами римляне отмечали, что взаимодействия людей в их общине (говоря современным языком – система социальных связей) были организованы на основе права. Именно право превращает сообщество людей в гражданское общество. Граждане – это защищенные правом лица, чьи частные интересы, благодаря юридическому признанию и защите, проявляются как гражданские интересы. При этом право отдельного лица существует «лишь как момент всей правовой системы общества» (Д. В. Дождев). Например, право собственности квирита могло осуществляться только как конкретное притязание, реализующее общую норму «квиритского права». Соотношение гражданской общины и гражданина в Античности – диалектика общего и отдельного. Ни то, ни другое нельзя абсолютизировать, они находились в диалектическом единстве. Абсолютизация одного из этих полюсов приводит к отрицанию как черт индивида у гражданина, так и черт государства у полиса (civitas), т.е. их правовых характеристик (Д. В. Дождев). Отрицание того и другого – искажение исторических реалий.

Римляне определяли характер их политических связей на уровне всей гражданской общины понятием «res publica». От этого слова произошли во всех новых европейских языках термины для обозначения т. н. республиканской формы государственного устройства, предполагающей выборность органов высшей власти на определенный срок. «Res publica» для римлян –

буквально это публичное дело, своеобразная антитеза «*res private*», делам частным, семейным. «*Res publica*» в римских представлениях – не только то, что мы называем «государство» как инструмент регулирования и поддержания «социального гомеостаза» (воспроизводства условий, необходимых для сохранения и развития общества), но вся совокупность общих интересов, отношений, состояний, прав; это совместное существование, конституция и политика. Цицерон определял «*res publica*» как «*res populi*» – дело (достояние) народа (*De rep.* I. 25. 39), понимая под «*populous*» множество людей, связанных согласием в вопросах права и общностью интересов.

Римские граждане, т. е. народ римлян (*populus Romanus Quirites*), были носителями государственного верховенства. Во всяком случае, на наш взгляд, в конституционно-правовом отношении (фактическое влияние римского народа на жизнь государства – другой вопрос, носящий дискуссионный характер и, видимо, требующий ответа в отдельных хронологических срезях). Государственный суверенитет *populus Romanus* – прямое и неизбежное проявление полисных основ римской организации. Утверждение, что народ – носитель государственного суверенитета (суверен в публично-правовом смысле), означает в первую очередь наличие у него высших законодательных полномочий, наделение его правом принимать основополагающие нормы, организующие жизнь общины. Показателем того, что *de iure* именно *Quirites* олицетворяли римское государство, служат и электоральные (избирательные) функции народных собраний. Будучи обладателем верховной законодательной власти и осуществляя выборы должностных лиц, народ имел величие (*maiestas*), и преступления против гражданского коллектива рассматривались как оскорбление величия римского народа.

В историографии имеются попытки отрицать статус *populus Romanus* как государственного суверена в эпоху Республики (А. Демандт и др.). Такой подход базируется на следующих аргументах. Во-первых, граждане Рима не ограничили государство только пределами своего города, римляне создали крупное государственное образование, в дефиниции которого следует акцентировать не только лишь гражданство, но – как для

современных обширных государств – так же и территорию с неоднородным (по различным характеристикам) населением. Во-вторых, отличительные признаки суверенитета были распределены между тремя инстанциями – народными собраниями (комициями), сенатом и магистратами. Данная трактовка не представляется нам убедительной по следующим обстоятельствам. Специфика римской государственной модели заключалась в том, что гражданская община, завоевав огромные территории в Средиземноморье, создавала для управления ими надполисные структуры (провинциальные органы власти), но сохраняла при этом в республиканскую эпоху полисные устои своей внутренней организации. Органы провинциального управления по отношению к подчиненным общинам все и всегда были надполисными структурами, а по отношению к римской общине часть их была полисными (римские преторы и квесторы, имевшие в качестве своей сферы должностных обязанностей провинциальные дела), а часть – надполисными (проконсулы и другие промагистраты, которые становились наместниками провинций по истечении собственно магистратских полномочий). Мы не поддерживаем тезис о «трансформации полиса в державу» на протяжении республиканской истории. С увеличением завоеванной территории сама римская община не размывалась и не преобразовывалась в иной, не полисный, тип социума. Расширяясь с течением времени, гражданский коллектив не растворялся в массе иного населения и не утрачивал своего государственного верховенства, он всегда был обособлен в публично-правовом отношении. Провинции были только «поместьями» римского народа, и территориальное нахождение в них, создавая трудности для граждан в реализации их политических прав, в принципиальном плане не меняло их статус. В «территориальное государство» Римская Республика превращалась в административном отношении, а в конституционном (что непосредственно и определяет, кому принадлежит роль государственного суверена) продолжала быть нуклеарным полисом. Что же касается еще двух институтов, в которых – кроме конституированного в комиции народа – заметно проявление отличительных характеристик суверенитета, то следует подчеркнуть, что постановления

комиций (leges) в правовом отношении всегда стояли выше решений сената (setnatusconsulta), магистраты же обладали не «своим собственным», а делегированным государственным суверенитетом, предоставлявшимся им на время полномочий от всего гражданского коллектива. Наглядно демонстрирует положение гражданского коллектива как носителя государственного верховенства при Республике высшая форма позитивации права (превращения его в общеобязательные нормы) – законом являлось только то, что одобрил и постановил populus Romanus, а главный принцип законности и правомочности заключался в выражении «по праву квиритов» (ex iure Quiritum).

Государственные акты римлян обычно принимались в пределах священной зоны, в черте pomerium (сакральной границы города, четко обозначавшей его территорию). Существовало явное правовое и сакральное различие между Городом и пространством вне его. Оно выражалось, в частности, в запрете нахождения в боевых порядках и с оружием в границах померия (исключением были только дни триумфов победоносных полководцев), в необходимости оставить у городских ворот трофейные вражеские доспехи и посвятить их божеству, прежде чем вступить в границы города, и других актах.

Итак, ключевые слова, которые – согласно взятым за основу определениям сути полисной организации – образуют каркас изучения поставленной проблемы, следующие: особенности римского гражданства, римская специфика отношений собственности на землю и социально-экономических отношений в целом, римское городское сакрализованное пространство, римская государственность республиканской эпохи, политическое оформление civitas и идеология римской гражданской жизни. Мы начали их обсуждение в единстве, теперь заострим внимание поочередно на каждом из них.

* * *

Специфика *римского гражданства* имеет ряд аспектов. Ее можно рассматривать в диспозиции «Рим и Афины», а можно – в противопоставлении римской общины и греческих полисов (в их

суммарно важнейших характеристиках), поскольку Афины могли быть в ряде отношений нетипичным греческим полисом. По возможности попытаемся совместить эти два ракурса.

Запись в гражданский коллектив у римлян осуществлялась не на местном уровне, как в Афинах (в демах), а высшим магистратом. На низовом административном уровне в греческих полисах включение в списки граждан тоже могло осуществляться; в данном отношении, скорее, специфика по сравнению с Афинами, чем с «греческим полисом вообще». У римлян цензоры составляли списки граждан (*tabulae censoriae*). Это обстоятельство означало фиксацию принадлежности ко всей общине в целом, определяло «сопричастность» ко всему гражданскому коллективу, обуславливало права и обязанности граждан по отношению к *civitas* и, соответственно, необходимость придерживаться традиций и обычаев всего римского народа.

Римляне, судя по тому, что для них основные гражданские добродетели имели явный военный оттенок, воспринимали себя в качестве членов сплоченного коллектива, приоритетно во внешнеполитической, а именно военной, деятельности. Афинские граждане осознавали себя в качестве членов коллектива в первую очередь во внутривнутриполитической жизни. Видимо, это было характерно для многих греческих полисов; милитаризованность Спарты позволяет предположить большую близость римской общины к ней, по сравнению с иными греческими полисными государствами. Значение военной сферы для самоидентификации римских граждан проявилось в неразрывности военной и политической систем, наглядным показателем чего была центуриатная организация, выступавшая основой как принятия важнейших политических решений, так и формирования римского войска. Для римлян не просто выполнялось равенство «гражданин=воин» (характерный принцип полисной организации как таковой в ее «идеальном» варианте), в их восприятии гражданин – в первую очередь воин. Видимо, это сложилось исторически в условиях, когда жизнь римской общины войнами изобиловала, причем изначально войнами такими, в которых она боролась за свое выживание. А отсюда – превалирующее

общественное значение воинских моральных качеств гражданина.

Римскую общину характеризует более выраженный по сравнению с греческими полисами – думается, не только афинским, но и большинством из них – ранговый характер гражданского населения. Социальная и политическая иерархичность в римской *civitas* в сопоставлении с греческими полисами играла более существенную роль. Патриции и плебеи в ранней Республике, нобилитет и не принадлежавшие к правящей элите граждане в классической Республике – участие в управлении государством этих категорий отличалось весьма значительно (это различие было более заметным, чем между политической элитой и массами в греческих полисах). Заметим попутно, что наличие выраженной элиты приводило к выраженной «элитарности» моральных норм (но не в смысле узости круга их носителей, а в смысле «рафинированности», «возвышенности» самих норм). Исследования последних десятилетий (К. Хопкинс, Г. Бартон и др.) показали, что нобилитет не был замкнутой наследственной знатью; во II и I вв. до н. э. ему была присуща «довольно высокая как восходящая, так и нисходящая мобильность» (А. Л. Смышляев). Однако признание наличия нестабильной (но все-таки гораздо более стабильной, чем в любом греческом полисе), «циркулировавшей» элиты не противоречит тому, что в каждый конкретный момент граждане, не входившие в нее, несравненно менее влияли на политику, чем в нее включенные. Отмечается в современной историографии и существование в Риме последних двух веков Республики т. н. «внутренней элиты» (40 % от числа консулов составляли те, у кого отец и дед занимали высшую магистратуру), постоянно себя воспроизводившей и составлявшей ядро всей политической элиты.

Отличает римскую правившую элиту от греческой (в той или иной форме наблюдаемую и в эллинских полисах) «гомогенность» аристократии, т. е. ее более выраженная сплоченность (В. Эдер). Согласимся, что коллективная способность к господству римской элиты была, видимо, значительно выше, чем, например, у афинской аристократии. Это связывается в историографии с тем, что аттическая знать, в отличие от римской,

с середины VIII в. до н. э. развивалась в отсутствие царской власти. Отсутствие «общего врага» и приводило к меньшей сплоченности афинской аристократии. В любом случае в Афинах демос для проведения в жизнь своих требований нуждался в помощи аристократов, в Риме же плебс создал действенную инстанцию в виде плебейских трибунов. Плебейский трибунат был особым политическим институтом для оказания такой помощи и защиты рядового гражданина (при том, что многие трибуны сами принадлежали к нобилитету), подобной институционализированной помощи афинскому демосу не оказывалось.

Отличие римского гражданства от греческого можно обнаружить также и в том, что голос каждого отдельного гражданина в народном собрании у римлян влиял на итоговый результат голосования отличавшимся от греческого образца способом. Подсчет голосов был организован так, что значение индивидуального голоса – важное внутри первичной группы – было завуалированным при окончательном принятии решения. Голосование по принципу «одна центурия (курия, триба) – один голос» нивелировало «вклад» каждого гражданина, во всяком случае внешне, в силу опосредованности учета отдельного голоса в конечном итоге голосования (сопоставление реального вклада голоса римского гражданина и гражданина греческого в принятие государственных решений нуждается в отдельном осмыслении). Римский порядок голосования мог, в принципе (теоретически), привести к ситуации, когда поддержку путем голосования народа получает предложение, за которое подано меньше половины индивидуальных голосов граждан, принявших участие в голосовании. При голосовании в афинской экклесии это было исключено.

Для граждан всех античных полисов в их электоральном поведении был характерен выбор именно персон, а не программ, и римляне не были здесь исключением. Но именно в Риме соискание должностей стало сопровождаться активной избирательной кампанией, масштабной борьбой за голоса граждан. В III в. до н. э. (между 241 и 218 гг.) была проведена реформа центуриатных комиций, по которой число центурий, выставившихся первым имущественным разрядом, было сокращено.

Данная реформа, как полагают исследователи, сблизила цензовое и территориальное деления римского гражданства и привела к значительной демократизации выборов. После этой реформы и до конца Республики народ стал объектом активной предвыборной агитации. Эта агитация получила правовое регулирование, разграничение дозволенных и недозволенных ее методов.

Исходно для гражданского коллектива римской общины был особенно важен «территориальный принцип» организации; первоначально он был для римлян, как кажется, гораздо более значим, чем для других гражданских сообществ Античности. Это было обусловлено тем, что римляне не составляли изначально этнической общности, они не были объединены общностью происхождения. В отличие от афинян, спартиатов или граждан других полисов, римляне не могут рассматриваться ни как коренное население, ни как связанный единством происхождения коллектив. Они являлись только объединением, получившимся в результате слияния различных групп. Отсюда и значимость территориального компонента полисной организации при становлении римской гражданской общины.

Однако, при всей важности пространственной локализации гражданского коллектива *civitas*, следует все же полагать, что римская община – это в первую очередь «люди», т. е. граждане, а не «место»; во всяком случае, абсолютизировать значение именно границ самого Рима нельзя. Интересно, что вывод колонии греческими гражданами означал (почти всегда, но все же с исключениями из правила) создание нового суверенного полиса, а вывод колонии римскими гражданами означал – если создавалась колония собственно римских граждан, а не колония латинского права – территориальное «отпочкование» собственно римского гражданского коллектива, создание своеобразных «филиалов» общины за ее пределами (относительно близкими или весьма далекими). Или, например, объявляя определенные территории в Италии римской землей (*ager Romanus*) римляне принимали на ней важнейшие государственные акты, т. е. как бы «включали» эти земли в пределы общины.

Римляне более охотно делились правами своего гражданства с чужаками (и значительно масштабнее давали им гражданские

права), чем это было принято в коллективах греческих полисов. Дионисий Галикарнасский пишет: «Сравнивая с этими обычаями эллинов, я не понимаю, как можно восхвалять устои, присущие лакедемонянам, фиванцам и весьма гордящимся мудростью афинянам, которые, ревниво охраняя свое благородство, за редким исключением не давали никому своего гражданства...» (II. 17. 1. Пер. И. Л. Маяк). Исследователи полагают, что эта особенность связана с тем, что с ранних времен Рим был составной частью Латинского союза (Х. Майер). Возможно, добавим от себя, этому способствовала проблема «выживания», сохранения жизнеспособности общины и пополнения ее «гражданских ресурсов», очень остро стоявшая для Рима в условиях серьезной внешней опасности в период ранней Республики. При территориальном выходе государства за пределы Италии проблема предоставления гражданских прав перешла в другую плоскость: как бы скупо ни наделялись присоединенные народы, сначала италики, а затем перегрины-провинциалы, правами римского гражданства, в количественном отношении это явление на порядок должно было превосходить греческие полисы. Оно и не могло быть сопоставимо с ними, поскольку экспансия греческих государств никогда не принимала таких масштабов, чтобы решать как существенный вопрос о «гражданской ассимиляции» покоренных народов. К тому же, «гражданская ассимиляция» была обусловлена римской социально-политической организацией, в первую очередь отсутствием прямой демократии (которая неизбежно должна препятствовать расширению гражданского коллектива) и издревле существовавшей возможностью даже для раба-чужака стать при отпуске на волю римским гражданином.

В целом, если для ряда греческих полисов (и Афин, в первую очередь) характерна тенденция ограничения роста гражданского коллектива в силу как политических, так и экономических причин, в том числе недостаточности материальных условий (в частности, земельных площадей), то для римлян – расширительная тенденция. В абсолютном значении количество членов гражданского коллектива в римском полисе его «классического времени» было значительно большим, чем в любом греческом (в

III в. до н. э., по данным Ливия, оно колебалось около 200 тыс. человек; позднее, по цензу 70 г. до н. э., – 900 тыс. человек). А количество граждан неизбежно серьезно влияет на политическое устройство, на выбор формы правления. Прямая демократия возможна только в относительно малом гражданском коллективе, римское гражданство перешло допустимый для нее «порог численности».

* * *

В римской общине, как и во всяком полисном коллективе, действовал принцип обусловленности права на землю принадлежностью к нему и обязанности общины наделить гражданина землей. *Отношения земельной собственности* в Риме, базируясь на полисном укладе хозяйственной жизни, имели некоторую специфику по сравнению с Грецией. Сразу отметим, что мы глубоко солидарны с мыслями И. Е. Сурикова (см. первый раздел данного пособия), высказанными им относительно т. н. античной формы собственности.

Земля рассматривалась как божественный дар и потому изначально воспринималась как собственность коллектива в целом. Обожествление земли как всеобщей матери было отражением представления о ее общей принадлежности, восходящего к родовому строю (В. И. Кузищин).

Любая полисная организация предполагает верховную собственность на землю всего гражданского коллектива, что не исключает понимание отдельного гражданина как частного собственника земли. Признанными критериями частной собственности являются, во-первых, свобода отчуждения земли (продажи, дарения и т. д.) и, во-вторых, право отстранения несобственника собственником земли. Но в Риме права на землю и даже свободу отчуждения обеспечивала не только собственность (*dominium*), но и владение (*possessio*). Термин «*dominium*», обозначающий частную собственность, появился, судя по всему, в конце Республики, но явления всегда возникают раньше, чем понятия, их обозначающие.

Свойственная Риму с архаических времен общинная (общеполисная, т. е. находившаяся в собственности всего гражданского коллектива) земля называлась «*ager publicus*». В Риме исследова-

тели фиксируют сохранение в течение довольно долгого времени значительной доли общественной земельной собственности. Аренда земли на *ager publicus* называлась «*possession*» (владение). Рента с общественной земли называлась «*vectigal*». Аграрный закон 111 г. до н. э. превратил, согласно традиционному мнению (Д. В. Дождев и др.), владения на общественном поле в частную собственность римских граждан (*ager privatus*), отменив ренту. Однако на вопрос о том, что все-таки следует понимать под термином «*ager privates*», в научной литературе даются и иные ответы. Т. Г. Мякин в последних работах полагает, что «понятие "частный" (*privatus*) в конце II в. до н. э., скорее всего, указывало на "нечто, выделенное из общего целого", где под "общим целым" следует понимать "общественное поле Римского народа" (*ager publicus populi Romani*)», соответственно «сам тип земель *ager privatus* и должен быть квалифицирован нами как земли, "выделенные" из состава *ager publicus*, в силу их передачи во владение».

Общеполисные земли (*ager publicus*), если они располагались непосредственно на территории римской общины, арендовались отдельными ее гражданами, арендные платежи поступали в римскую казну. В Италии земли категории *ager publicus* находились в наследственной аренде не только у римских граждан, но и у знатных граждан италийских союзнических общин. Завоеванные италийские земли, которые после захвата попадали в ведение квесторов, назывались «*ager quaestorius*». Эти земли квесторы продавали гражданам, но что фактически продавалось – земля или вечный посессий (право владения), – вопрос дискуссионный. Земли в провинциях, принадлежавшие всему римскому народу, назывались «*ager provincialis*». Та часть *ager provincialis*, которая отдавалась жителям провинций в долгосрочную аренду, называлась «*ager stipendiarius*».

Для Римской Республики нет сведений о храмовых производственных землях, более того, в источниках зафиксирован запрет на храмовое землевладение (Сис. De leg. II.22). Понятие «священные земли» означало не собственность храмов, а земли, доходы с которых шли исключительно на сакральные цели,

однако они считались частью общественного земельного фонда (А. М. Сморгков).

Вне зависимости от формы земельной собственности создавались три типа хозяйств: мелкие крестьянские хозяйства (до 30 югеров земли), виллы (до 500 югеров) с использованием полутора-двух десятков рабов в земледелии, ориентированные на рынок некоторыми видами своего производства сельскохозяйственной продукции, и латифундии, крупные хозяйства, в скотоводстве которых также использовался рабский труд, но земля обрабатывалась колонами (свободными крестьянами-арендаторами).

До Первой Пунической войны, т. е. практически до конца III в. до н. э., экономика римской общины базировалась главным образом на сельском хозяйстве. После победы Рима над Карфагеном начинается бурное развитие торговли и ремесла, что меняет пропорции отраслей экономики. В аграрном секторе также развивается товарное производство.

В целом, собственность римской *civitas* включала в себя *ager publicus*, рудники, государственных рабов. Доходы от общественной собственности поступали в *aerarium*, римскую казну. Если современные государства исходят при установлении системы налогообложения из принципа, который юристы называют «принудительным изъятием» (он означает, что государство имеет право требовать от каждого гражданина уплаты налогов просто в силу самого факта принадлежности гражданина к данному государству), то римская община, как всякое полисное государство, будучи «социально ориентированным», этот принцип не применяло. Античное государство исходило из принципа, что оно может требовать от гражданина уплаты налога только в обмен на услугу, ему предоставленную. Римская казна пополнялась также за счет военной добычи, за счет податей с завоеванных народов, уплаты процентов от стоимости каждого освобождавшегося раба.

Норма полисной жизни – запрет порабощения сограждан. Отмена долгового рабства, реализовавшая этот запрет, была осуществлена в Риме по закону Петелия (313 г. до н. э.). Римские рабы эпохи Республики попадают под понятие «сословие» (сословия – большие группы людей, отличающиеся правами и

обязанностями, закрепленными в обычае или писаном праве), поскольку они имели особый юридический статус, являясь собственностью других лиц, коллективов, государства и т. д. Закон Аквилія (датируется большинством исследователей первой половиной III до н. э.) зафиксировал власть господина над его рабом. Возможность манумиссии (отпуска рабов на волю) с предоставлением прав римского гражданства позволяет исследователям утверждать, что «раб оказывался опосредованно связан с гражданской общиной как своего рода латентный гражданин» (В. М. Смирин).

Принципиальные суждения об античном рабстве, высказанные И. Е. Суриковым в первой части данного пособия, применимы и к рабству римскому. Конечно, рабов в Римском государстве рассматриваемой эпохи в абсолютных цифрах неминуемо должно было быть больше, чем в любом греческом. Но удельный вес рабского труда в производстве материальных благ в римской экономике сопоставить с таковым в хозяйственной сфере греческих полисов практически невозможно из-за разницы масштабов производства и отсутствия количественных данных (во всяком случае, мы не можем даже в каком-то приближении это сделать). Роль рабов интеллигентных профессий в период Республики была в Риме значительна: учили, лечили и развлекали римлян в немалом количестве именно рабы. Рабский труд в римской экономике применялся и в сельском хозяйстве, и в ремесле, тем не менее рабы, находившиеся в собственности римских граждан (или общины в целом), не были основными производителями материальных благ. Трактовка античного рабства как основы способа производства и структурообразующего элемента рабовладельческой социально-экономической формации, выработанная в марксистской историографии, во многом не коррелирует с нашими представлениями о полисной античности.

* * *

Городское обустройство каждого античного полиса было призвано обеспечить гражданскую жизнь своего населения во

всех ее составляющих. Организация внутреннего пространства города выражала идею, свойственную всей классической Античности, что человек принадлежит именно своему полису, а не миру, мир же вне полиса – гражданского коллектива и своего города – враждебен и должен быть отграничен не только политически, но и сакрально. Мы рискуем показаться пристрастными, но все же скажем, что для римлян их Город был особенно неповторим, был особенно отделен от остального мира, по отношению к которому Рим был несравненно выше, что, по их мнению, определялось волей богов (*Cic. De har. resp. 9*). Ничуть не умаляя патриотизма граждан греческих полисов, отметим, что у эллинов было представление о единстве всего греческого мира и превосходстве в целом греческого полисного устройства над варварами, что не могло не сглаживать восприятие собственного города как абсолютно единичного явления. Римская община была единственной в своем роде, и ее граждане очень остро осознавали ее уникальность.

То, что в Греции было «полис и хора» (полис не в значении «община», а в значении «город», и «хора» – сельская местность), на римской почве было *urbs* (собственно город Рим) и *ager* (находившаяся под его властью территория). Их диалектическое единство не исключало, а, наоборот, с необходимостью предполагало пространственное разграничение.

Городская граница, померий, означала магическую черту, защищавшую жизнь общины от внешних враждебных сил. Изначально *romerium* охватывал только Палатинский холм (с окрестностями) – «сердце Рима», его «колыбель». Пространство внутри померия (раздвигавшееся с течением времени) должно было оставаться священным, в него не могла без очистительного обряда войти армия, соприкасавшаяся в сражениях с извне подступавшим злом, поэтому по окончании военной кампании воины совершали церемонии очищения себя и оружия. Центуриатные комиции (как собрания воинов) проводились за пределами померия. Город не мог быть осквернен смертью, поэтому внутри померия хоронить умерших было запрещено (как было запрещено хоронить в пределах полисной территории и в греческих гражданских общинах, за исключением Спарты). Для

граждан *civitas* «никакие просторы вселенной» были «неспособны возместить и заменить город и неотделимые от него опоры бытия – *moenia* и *leges*, *pietas* и *amicitia*, *fas* и *ius*» (Г. С. Кнабе).

Роль интегрирующего элемента гражданской жизни римской общины в ее городском, архитектурно-планировочном оформлении играл во времена Республики Форум (располагавшийся в северной лощине от Палатина и доходивший до Капитолия, см. рис. 1 и рис. 2), огибаемый *via sacra*, Священной улицей, по которой издревле передвигались торжественные процессии. На Форуме была Курия – здание заседаний сената (*senatus*), перед которым непосредственно (в северо-западном углу Форума) находился Комиций – место проведения народных собраний (*comitia*). На Форуме и Комиции проходили также конции (*contiones*) – народные сходки, где не принимались решения, имевшие юридическую силу, но где римские граждане имели возможность высказать свое отношение к предлагавшимся магистратами законопроектам и обсудить другие вопросы, затрагивавшие их жизненные интересы. В отличие от Афин, в которых граждане и голосовали, и обсуждали насущные проблемы на экклесии, в Риме эти проявления гражданской активности и правомочий членов коллектива были разведены (всегда во времени, но не всегда в пространстве). Оценки исследователями вместимости Комиция (а от них зависят ответы на ряд вопросов организации политической жизни римской общины) колеблются в значительном диапазоне – от 1 тыс. до 20 тыс. человек (см. Р. Морстейн-Маркс). Ораторская трибуна на Комиции имела вид дуги, на стене этого возвышения, обращенной к Форуму, были установлены *rostra* – носы вражеских кораблей (в количестве, видимо, шести), захваченных римлянами в 338 г. до н. э. в ходе Латинской войны, поэтому Рострами стали называть само место, где произносили речи. Высота Ростр определяется исследователями по-разному (2,5–4 м), но в любом случае специалисты нередко полагают, что различные уровни нахождения выступавших и слушавших существенно разграничивали их роли, утверждали «политическую иерархию», подчеркивали особый статус ораторов и наглядно демонстрировали уважение граждан к магистратам (Ф. Пина Поло, Р. Морстейн-

Маркс). В таком противопоставлении современными историками ораторов и слушавших их речи есть, кажется, доля преувеличения; вероятно, сильным был и элемент объединения тех и других, во всяком случае, выступавшие, безусловно, стремились своими речами найти поддержку народа. Неспроста ведь Цицерон характеризовал Ростры как место тесного взаимодействия сената и народа; современные исследователи подтверждают это изучением топографии: фон для выступлений ораторов создавали *Curia*, здание сената, и храм Согласия. *Concordia* (согласие), одна из важнейших римских гражданских добродетелей, как бы в овеществленном виде символизировала для всех желанную цель публичных обсуждений вопросов общественной жизни. Правда, Р. Морстейн-Маркс полагает, что храм Согласия был неоднозначен в римском восприятии и являлся «полем идеологических сражений», все же думается, что достижение консенсуса являлось в период классической Республики важнейшей задачей гражданского коллектива при решении любых социально значимых проблем.

Если главным местом общественной жизни всего гражданского коллектива в Риме был Форум, то центральным помещением жилого дома римского гражданина был атриум. *Atrium* – парадное помещение и композиционная доминанта здания – как бы соединял публичную и частную сторону жизни римлянина. В атриуме членов сенаторского сословия находились *imagines* – портретные маски прославленных предков, которые использовались во время торжественных похоронных процессий (*pompa funebris*) при публичном погребении заслуженных членов семьи. Исследование Э. Флаига показывает, что атриум, будучи частью жилого дома, был связан с самореализацией гражданина в публичной сфере и не имел прямого отношения к внутрисемейному культу предков. Многие предки находили свое место в фамильном некрополе, но оказывались не принятыми в атриум. Почитание предков, чьи портреты находились в атриуме, относилось к сфере конкуренции и престижа, было делом и знатных семей, и *res publica* в целом. Если предки были неуспешны на политическом поприще, они не имели ларца в атриуме и не включались в родословную, которая устанавливалась на внутренней стороне

атриума (она не была параллельной родословной на доске *parentes*, по которой почитались три поколения предков).

Городское сакрализованное пространство Рима не могло обойтись без священных мест почитания богов. Как и греческие полисы, римская гражданская община конституировала себя в качестве не только политической, но и религиозной организации. И так же, как в Греции, становление гражданской общины в Риме было синхронно появлению святилищ. Общность мы найдем и в том, что не все храмы возникали внутри городской черты, довольно рано строились храмы и за ее пределами, поэтому мы также вправе говорить о сакральном освоении римлянами окружающего пространства. Например, очень рано стали сооружаться святилища на Капитолии, но в черту померия этот холм был включен только в период поздней Республики. Именно там был храм Юпитера, олицетворявшего могущество римской *civitas*. В храме Юпитера Всеблагого и Величайшего консулы при вступлении в должность, из этого храма обладатели империя, торжественно давали обет, отправлялись на войну, а возвращаясь в качестве триумфаторов, опять-таки приносили жертвы Юпитеру. Юпитер был патроном римского народа, а фламмин Юпитера был самым почитаемым жрецом города. Путем осуществления дивинации (интерпретации знаков божественного происхождения) в виде ауспий (птицегоданий) римляне консультировались с Юпитером: он выражал свое мнение первым, раньше, чем любой гражданин, и разрешал или не разрешал магистрату продолжать его действия.

Современные исследователи религии римлян так формулируют ее древний принцип: на этом свете обряды важнее богов, публичные ритуалы, посредством которых боги почитались, объединяли римских граждан гораздо больше, чем сами боги. «В Риме главными оставались обряды и ритуальная обязанность, а не вера и не поиск единения с божеством» (Дж. Шайд). Руководителями сакральной организации римской общины в период Республики выступали понтифики – авторитетная и политически значимая жреческая коллегия. Они участвовали в искупительных церемониях, в посвящении храмов богам, в надзоре за календарем, в принятии и выполнении обетов богам.

«В обетах ярко проявлялось единение людей и богов, они были чрезвычайно важны для сплочения граждан и укрепления их морального духа надеждой на помощь свыше» (А. М. Сморгков).

Что касается разделения права божественного и человеческого, то и здесь скорее, на наш взгляд, наблюдается не различие с древнегреческими правовыми системами, как полагает И. Е. Суриков, а опять-таки сходство. Нам представляется, что *fas* (божественное право) отнюдь не отделилось в республиканскую эпоху – как с точки зрения действия правовых механизмов (их взаимосвязанности), так и с точки зрения содержательного пересечения понятий – от *ius* (человеческого права) в разных его проявлениях – в публичном, частном, праве народов и пр. Ряд исследователей (Ф. Сيني и др.) совершенно справедливо, на наш взгляд, полемизируют с концепцией о разделении религии и права уже в начале республиканской эпохи. Мы полагаем, что у римлян «теоретически» в самом общем виде божественное и человеческое право различались (первое не подвержено человеческому воздействию, а второе изменяется людьми, при том что изначально всякое право – дар богов), а в практическом применении механизм был единым, «публично-божественно-правовым». То, что можно разграничить «в теории», оказывается «на практике» очень тесно и даже неразрывно взаимосвязанным. Если мы обратимся, например, к избирательной процедуре римских магистратов, то увидим, что она имела и публично-правовую, и божественно-правовую составляющие. В случае если проведенные перед избранием кандидата ауспиции признавались затем выполненными с нарушениями, магистрат объявлялся огрешно избранным (*vitio creatus*). Последнее осуществлялось на основе *fas*, тогда как признание *non iure rogatus* (не по праву выдвинутым на должность) – решение в рамках *ius*, т. е. обнаруживается теснейшее переплетение божественного и человеческого права.

Боги были своеобразными согражданами римлян. «Как и греки, римляне принимали основополагающий принцип, заключавшийся в том, что в мире боги живут вместе с людьми и работают вместе с ними в рамках *города* для достижения общего блага» (Дж. Шайд). Мы соглашаемся с Дж. Шайдом: все обряды

римской религии давали понять, что Рим совместно управляется магистратами и богами, первым, кто говорил, был магистрат, а боги отвечали, боги должны были ждать, когда он предоставит им слово; но боги определенным образом контролировали деятельность должностных лиц. Признаем верным и утверждение «в эпоху Республики ауспиции были одной из основ общественной свободы». Развивая эту мысль, можно, по всей видимости, сказать, что мир с богами (*paх deorum*) являлся своеобразной защитой граждан от злоупотребления властью наделенных ею людей.

Мы присоединяемся к тем исследователям, которые подчеркивают, что религия играла важнейшую роль в сплочении римской общины, а сакральная практика – как в публичной, так и в частной жизни – в значительной мере выполняла задачу формирования гражданского сознания. «Ведь *civitas*, относительно (по сравнению с греческим полисом) разомкнутая и многочисленная, не могла организовать общую для всех граждан с детства систему воспитания, подобную той, которая существовала в Афинах или Спарте. В *civitas* всегда была заметной доля новых граждан (*cives facti*), не получивших «истинно римского» воспитания» (А. М. Сморгчов). Эти новые граждане осознавали себя римлянами, частью римской общины во многом благодаря участию в культовой обрядности, представлявшей собой главное содержание римской религии и целую систему, подчинявшуюся разработанным правилам.

* * *

Проблему римской государственности следует обсудить потому, что общетеоретический вопрос – являлся ли античный полис государством – имел выраженный негативизм в ответе на него применительно именно к римской общине республиканской эпохи. Две основных, диаметрально противоположных, позиции свойственны исследователям: этатическая («государственническая») и неэтатическая (отказ от применения понятия «государство» при характеристике римского республиканского социума). Второй подход особенно свойствен итальянской и

испанской историографии, первый – немецкой, англо-американской и российской (разумеется, везде есть свои исключения). Мы придерживаемся, как ясно из предшествующих рассуждений, этатической позиции. Акцентируем кратко данную точку зрения.

Сторонники неэтатического подхода (А. д'Орс и др.) считают, что понятие «государство» не применимо к *res publica*, так как является анахронистичным по отношению к ней. Они утверждают, что это понятие – имеющее, согласно их точке зрения, только современное содержательное наполнение – предполагает представительный способ формирования власти, а отнюдь не прямую демократию (как в Афинах) или регулярную законодательную деятельность всего народа (как в Риме). Истоки такого взгляда обнаруживаются у известного немецкого правоведа К. Шмитта, который считал возможным применять понятия «государство» и «государственность» к европейской истории лишь начиная с XVI в. В отечественной историографии Е. М. Штаерман попыталась по-своему обосновать взгляд на римскую *civitas* как на безгосударственное общество. Она исходила из марксистского определения государства и, в соответствии с ним, принимала во внимание именно такую функцию государства, как подавление и насилие в обществе, разделенном на классы. На том основании, что в Риме V–I вв. до н. э. не удается обнаружить ни сложившихся классов, ни развитой бюрократии, ни отделенной от народа и использовавшейся против него армии, Е. М. Штаерман сделала вывод, что процесс формирования римского государства завершился только при Августе, т. е. в I в. н. э. Большинство отечественных исследователей не согласились с такой датировкой возникновения государства в Риме. Проведенная ими дискуссия («Вестник древней истории», 1989–1990 гг.) наглядно показала, что возможность применения понятия «государство» к Античности целиком зависит от того, какое содержательное наполнение вкладывается в этот термин.

Дефиницию государству, широко применяемую во многих общественных науках, дал немецкий ученый Г. Еллинек на рубеже XIX–XX вв. Согласно его учению, три элемента составляют государство: территория, народ, государственная власть.

Такое понимание главных компонентов государства корнями уходит в Античность. Представление о том, что полис характеризуется совокупностью населения на определенной территории, но этим не исчерпываются его основные черты, восходит к Аристотелю. Задаваясь вопросом, когда следует говорить, остался ли полис прежним или стал другим, греческий философ полагал, что при условии сохранения территории и населения (наличие этих черт, по его мнению, лежит на поверхности при ответе на заданный вопрос) надо учитывать кое-что еще, поскольку очерченные границы могут иметь и образования, более похожие на «этнос», чем на «полис» (μᾶλλον ἔθνους ἢ πόλεως – *Arist. Pol.* 1276 a 29). По тексту сочинения Аристотеля ясно, что речь должна идти о наличии политической организации, политической связи между людьми, или, говоря словами самого философа, «политическом сообществе»: εἴπερ γάρ ἐστι κοινωμία τις ἢ πόλις, ἔστι δὲ κοινωμία πολιτῶν πολιτείας (*Arist. Pol.* 1276 b 1–2) – «полис есть некое сообщество, а именно сообщество граждан политии» (т. е. граждан, объединенных данным государственным устройством).

Если употребление понятий «народ» и «территория» применительно к римской общине обычно не вызывает сомнений, то аргументом сторонников неэтичного подхода к ней является отрицание именно государственной власти. Проблема же государственной власти в республиканском Риме по сути дела упирается вопрос о характере должностных полномочий магистратов. Отсутствие бюрократии, назначаемых чиновников, что подчеркивают «неэтицисты», не является, на наш взгляд, показателем отсутствия государственной власти как таковой. Власть высших магистратов, опиравшаяся на *imperium*, была, по нашему мнению, публично-правовой властью. Т. Моммзен считал магистратуры центральной из трех составлявших римскую государственно-правовую систему компонентов (комиции – сенат – магистратуры), несколько, видимо, преувеличив ее самостоятельность, но справедливо рассматривая ее одним из краеугольных оснований римской государственности. Три отмеченных римских института понимаются многими антиковедами, разделяющими этичную точку зрения, теми объективными реалиями,

которые и образуют необходимую составляющую понятия государства в виде политической власти.

Не находя оснований для отрицания политического характера власти в Римской Республике, мы не видим причин, по которым *res publica* не подпадает под определение государства, данное Г. Еллинеком. Мы думаем, что поиск общего, универсального определения государства следует вести в направлении формулировок его функций. Государство в республиканских общинах античной цивилизации являлось формой организации всего общества, инструментом согласования подчас противоречивых интересов различных социальных групп. Организаторская, регулирующая функция выступает в качестве главной не только в Античности, но и в другие эпохи.

Разделительная граница между негосударственными и государственно оформленными обществами, безусловно, может и должна быть проведена. Вторым свойственны именно институционализированные функции, осуществляемые носителями властных полномочий (У. Вальтер). По нашему глубокому убеждению, отказ от применения понятия «государство» к античной политической организации сужает возможности научного ее анализа. Термин «государство» должен использоваться как формализованное универсальное понятие. Без этого понятия невозможно описать суть различий между политически оформленными коллективами, с одной стороны, и общинами, не достигшими этой стадии развития, с другой.

Те, кто в конце XIX в. настаивал на применении понятия «государство» только по отношению к современным государствам, фактически не нашли бы общего языка с теми, кто делал то же самое в конце следующего столетия (поскольку слишком отличающиеся политические организмы они имели в виду). Стремление использовать понятие «государство», подразумевая под ним фактически только свое собственное, оказывается тупиковым путем. Исследовательскому анализу необходима именно научная категория, в высшей степени абстрагированная от огромного множества специфических конкретных проявлений.

«Государство» в самом широком (и терминологически исходном) значении понятия, на наш взгляд, – это политическое

оформление (устройство, состояние) общественных связей и их регулирование посредством публичной власти на основе норм писаного или обычного права. Если население территории, имеющей установленные границы, организовано политически, то есть все оно (независимо от семейно-родовой и иной принадлежности) подчиняется общим органам публичной власти, то перед нами такое политическое сообщество, которое, полагаем, и может быть названо государством.

Ссылки исследователей, негативно относящихся к применению понятия «государство» по отношению к римской *civitas*, при аргументации своей позиции на то, что сами римляне не использовали понятие «государство», представляются нам неубедительными. Действительно, римские авторы на латыни называли сферу политического управления своей общиной чаще всего «*res publica*» – понятием более широкого охвата, чем собственно данная сфера. Но термин «государство» в европейской публично-правовой теории и практике восходит к латинскому термину «*status*»: в английском – «*state*», в немецком – «*Staat*», в итальянском – «*stato*», во французском – «*état*», в испанском – «*Estado*». Используемое Цицероном словосочетание «*status civitatis*», является, как нам кажется, исходной формой (протоформой) понятия «государство» в новых европейских языках, поэтому представляется, что следует критичнее относиться к устоявшемуся мнению о том, что понятие «государство» асинхронно для Античности. «*Status civitatis*» – состояние гражданской общины, политическое устройство римской «*civitas*», ее публично-правовая организация. Иначе говоря, мы понимаем «*status civitatis*» у Цицерона как синоним «*res publica*» (в том содержательном пласте термина, который означает «государство»). «*Status civitatis*» – это исходное понятие для современной категории «государство», которая, следовательно, является римским наследием. Мы считаем понятие «римское государство» корректным в качестве научной абстракции и элемента научного категориального аппарата.

Мы полагаем вполне научно допустимым использование также понятия «римская конституция». Несогласие авторов с его применением связано с тем, что в современной юридической

литературе конституция обычно понимается как «основной закон», как «*lex fundamentalis*» государства, как отдельный правовой документ, определяющий общественное и государственное устройство, порядок и принципы формирования органов власти, права и обязанности граждан. В Риме такого одного документа не было, что, на наш взгляд, не исключает возможность оперировать понятием «римская конституция».

Термины, используемые для обозначения «основного закона» в новых европейских языках, следующие: *constitution* – в английском языке, *costituzione* – в итальянском, *constitution* – во французском, *constitución* – в испанском, *Verfassung* (как более новое) и *Konstitution* (как более архаичное) в немецком. При этом во всех перечисленных языках данные термины являются полисемантическими. Они одновременно означают, кроме названного «основного закона», во-вторых, – учреждение, образование, устройство, составление, в-третьих, – состав чего-либо, в-четвертых, – строение организма, телосложение. Все эти оттенки содержания слова «конституция» корнями уходят в общий исходный латинский термин «*constitutio*», имевший значения: 1) установление, учреждение, организация, устройство; 2) постановление, распоряжение, приказ; 3) состояние, положение.

Первоначальный пласт содержания латинского слова «*constitutio*» должен, со всей очевидностью, пониматься как «строение» («устройство»), «состояние» – на это указывает единство «политического» и «медико-биологического» смысловых оттенков, присущих ему. «Конституция» в применении к государству тоже понимается «органологически»: «государственный организм», «глава (голова) государства», «государственные органы».

Если рассматривать этимологически, от латинских корней, «конституция государства» – это его состояние, устройство, а само государство – это, как мы видели, тоже состояние, устройство применительно к политически организованному обществу, к определенному социуму.

Греческие мыслители использовали как обобщающее для всех видов государственного устройства греческих полисов понятие «*πολιτεία*». Платон и Аристотель применяли его как родовое понятие к терминам «олигархия», «демократия»,

«аристократия» и др. Полибий, по-своему определяя типы государственных устройств, также взял в качестве обобщающего термина понятие «πολιτεία». В качестве синонима термину «πολιτεία» Полибий, как и Аристотель, использовал слово «πολίτευμα», также наполняя его смыслом «государственное устройство, форма правления, конституция».

Полибий употреблял понятие «πολιτεία» в значении «государственное устройство, конституция» и применительно к Риму (VI. 4. 13). Подчеркнем, что современные западноевропейские авторы переводят на свои языки «πολιτεία» Полибия, использованное им в отношении греческих полисов и Римского государства, как «конституция».

В современной науке отчетливо выражена тенденция трактовать греческое понятие «πολιτεία» не только и не столько в значении гражданского общества или одного из видов государственного устройства (как это имело место ранее), а прежде всего в значении – «состояние государства», его «устройство», «государственная организация». Таким образом, можно утверждать, что греческие мыслители использовали понятие «πολιτεία», вкладывая в него то же содержание, какое римляне вкладывали в латинское слово «constitutio», то есть «устройство», причем непосредственно прилагая его к государству. Эта конституция – «πολιτεία» – понималась также «органологически», как состояние живого организма, ведь она, так же как и само государство, у Полибия проходит жизненные циклы: развитие, расцвет и упадок. Греческая мысль, таким образом, выработала понятие «πολιτεία» в значении «государственный порядок», но она не использовала понятие «основной закон» для обозначения этого порядка. Хотя собственно понятие «закон», «νόμος», как известно, для греков было краеугольной категорией политической жизни, государственной идеологии полиса и всего мировоззрения гражданина.

Обратим внимание на категориальный аппарат, применявшийся в интересующем нас отношении римскими авторами. Цицерон использует выражение «rem publicam constituere» или существительное «constitutio» в значении «устройство», «состояние» в непосредственной связи с понятием «res publica»,

когда отмечает государственно-правовое устройство или изменения его состояния (De leg. III. 12). С этим согласуется понимание юристом Гаем (Inst. I.1) глагола «constituere» «в связке» с существительным «ius» как создание права и «конструкцию» (способ расположения) созданного права.

В сочинениях Цицерона содержатся следующие близкие по смыслу к «constitutio rei publicae» понятия: status rei publicae, genus rei publicae, modus rerum publicarum, forma rei publicae. Эти выражения означают состояние, устройство государства, т. е. его конституцию. Именно словосочетание «status rei publicae» использовал Цицерон для перевода греческой «πολιτεία» как обобщенный термин для обозначения государственных форм (демократии, аристократии, монархии).

Возникновение представления о конституции как об одном «основном законе» следует, на наш взгляд, связать лишь с эпохой революций XVII–XVIII в. Конституция как «основной закон» – понятие нового времени. Однако тенденция более широко, чем «основной закон», трактовать понятие «конституция» сохраняется и в трудах современных юристов, и в этом можно усмотреть римское наследие.

Римская Республика не имела письменно зафиксированной в одном документе конституции; множественные законы (leges) регулировали политико-правовые отношения в отдельных сферах публичной жизни. В совокупном виде компетенция различных инстанций, их иерархия и взаимоотношения друг с другом никогда законодательно письменно не формулировались. Римская конституция включала такие элементы, как государственная этика, авторитет и опыт (Ф. Виаккер). Конституционные основы Римской Республики, таким образом, – это разрозненные, принимаемые в комициях законодательные акты, устанавливавшие принципы деятельности органов власти, а также неписанные обычаи, относившиеся к этой сфере и подлежащие столь же неукоснительному, как и законы, исполнению.

Исследователи предлагали различные обозначения специфики римской конституции, называя ее «выраставшей», «номистической» (Х. Майер), имея в виду изменявшийся реальный правовой порядок конкретного времени. «Римская конституция»,

охватывавшая, по нашему мнению, и государственно-правовые нормы, и политико-правовой порядок, всегда оказывается явлением более многомерным, чем любой вариант общего определения. Но это не означает, что мы вообще должны отказаться от использования понятия «римская конституция». В целом, учитывая латинскую этимологию слова «конституция» в новых европейских языках, понимание греческой и римской политико-философской и правовой мыслью «конституционных основ» античных государств, мы считаем использование понятия «конституция римского государства» в научном отношении вполне корректным.

* * *

Политическая организация римской гражданской общины и типична, и уникальна одновременно. Типична в главных полисных устоях: народное собрание было призвано определять основы совместной жизни граждан, магистраты как выборные должностные лица – осуществлять управление на основе норм права. Уникальна – поскольку сама конструкция публично-правового порядка содержала множество оригинальных черт, не позволяющих дать ей простые дефиниции.

В антиковедении XX в. долгое время преобладала концепция о «жестко олигархическом» характере римской республиканской политической системы (М. Гельцер и др.). При этом понималось, что опорой власти нобилитета был институт патроната-клиентеллы и связанная с ним *amicitia* – деловая «дружба» римской аристократии. Однако к середине 80-х гг. XX в. проведенные исследования позволили специалистам существенно изменить представление о механизмах власти римского нобилитета (П. Брант, К. Хопкинс, Г. Бартон, А. Якобсон и др.). Были сделаны выводы, что отношения патроната-клиентеллы и *amicitia* не являлись социальной базой политического господства нобилей.

Попытки нового анализа реальной роли в государственной практике римлян трех основополагающих структур их политической организации – комиций, сената и магистратур – привели к

дискуссии о возможности применения понятия «демократия» к их республиканскому устройству. Дискуссию инициировал в 1984 г. Ф. Миллар, который, опираясь на Полибия, попытался подчеркнуть демократические черты римской политической системы. В первой своей дискуссионной статье он не классифицировал эту систему как демократию (это утверждение появится в его работах позднее), но делал вывод, что она значительно ближе стояла к демократическим Афинам, чем это обычно принято считать. Полагая, что при характеристике классического периода Римской республики не стоит уклоняться от параллелей с V в. до н. э. в истории афинского полиса, Ф. Миллар развивал «концепцию демократического элемента» в римской системе.

Публикация статьи Ф. Миллара вызвала оживленные отклики, в которых преобладало стремление уточнить трактовку и применение понятия «демократия». Исследователи подчеркивали необходимость «классифицировать демократию по видам», полагая, что следует отличать радикальную демократию V в. до н. э. по афинской модели от эллинистического смысла этого слова при использовании его Полибием, у которого оно «означало не многим больше, чем не тирания» (Дж. Норт).

В решении вопроса о характере римской республиканской системы более склонными к поиску демократических черт в римской политической системе оказались итальянские историки, но и они делали при этом достаточно осторожные выводы. В Риме находили сильные импульсы демократичности, но при этом олигархию и демократию понимали пересекающимися тенденциями развития римской государственности (Ф. Казавола) или усматривали контролируруемую демократию (М. Мароне). Немецкая историография была еще сдержаннее в оценках степени демократичности функционирования римских органов государственной власти. В частности, при рассмотрении голосования в комициях предложений магистратов делался вывод, что о независимости воли народа в этом акте говорить не приходится (Э. Флаиг). При изучении характера римской избирательной системы отмечалась распространенность «подарков» кандидата избирателям, что снижает значение комиций как выразителя

подлинно народного мнения при выборах магистратов (К.-Й. Хелькескамп).

Ф. Миллар опубликовал затем две монографии и ряд статей; суть его выводов сводится к тому, что не магистраты, а комиции (в первую очередь демократические трибутные собрания) играли решающую роль в политическом устройстве Республики. Римский народ был не объектом, а субъектом политической борьбы. Модель функционирования римской государственно-правовой системы, предложенная Ф. Милларом, по существу воспроизводит афинскую демократию на разных этапах ее развития (классическая Римская республика уподобляется афинскому государственному устройству времен расцвета демократии V в. до н. э., а поздняя Республика – афинской политической системе периода кризиса полиса IV до н. э.). При этом упускались из виду такие существенные различия римской и афинской политико-правовых сфер, как, например, отсутствие в Риме органа, аналогичного афинскому буле (совету 500), предварительно готовившему заседания народного собрания. Заметим, что римский сенат после принятия закона Публилия Филона в 339 г. до н. э. стал предварительно одобрять законопроекты, выносимые на голосование в комиции, а после закона Мэния 338 г. до н. э. – и кандидатов на высшие магистратуры. Но афинскому буле была присуща т. н. пробулевтическая функция, включавшая подготовку вопросов, подлежащих рассмотрению народного собрания, и составление предварительного проекта решения. Подобной компетенции у римского сената не было. В целом, сенат и магистратуры в концепции Ф. Миллара вообще потеряли свое историческое место.

Дискуссионные публикации дали ряд следующих наблюдений: внешние (демократические) очертания римской политической системы не отображают адекватно внутренние механизмы ее функционирования (М. Йене), олигархические и демократические черты в ней были взаимосвязаны (А. Якобсон), эта система была «ограниченной олигархией» (Ф. Моро), демократический потенциал ее не мог быть реализован на практике (Г. Мауритсен), политическая жизнь в Римской республике была демократичной по форме и олигархической по сути (Р. Морстейн-Маркс).

Наиболее удачным подходом к определению сути политического оформления Римской республики нам представляется попытка преодолеть ограниченность рамок привычного категориального аппарата для определения публично-правовой системы Римской республики («олигархия», «демократия», «аристократия»), раздвинуть их, предпринятая К.-Й. Хелькескампом, сформулировавшим теорию «римской меритократии».

Меритократия – власть достойных (термин представляет собой латино-греческий новодел). В работах К.-Й. Хелькескампа возникновение римской меритократии рассматривается как комплексный процесс, обусловленный следующими факторами: 1. Завоевание Римом Италии и территориальная экспансия; возвышение римской общины до гегемониальной власти. 2. Значение *imperium* (высшей военной и гражданской власти) и магистратов с империем, а также правил, по которым магистраты и командиры выбирались, и преимуществ, которыми они наделялись. 3. Функционирование сената и его роль как институционального центра социо-политического порядка новой консолидированной республики. В качестве ключевого рассматривается первый из перечисленных факторов. Хронологическим отрезком формирования меритократии называется период от 338 до 295 гг. до н. э. (две генерации). Понимать ли последовавшую за этим временем классическую Республику целиком (во всем ее хронологическом охвате 287–133 гг. до н. э.) как меритократию, – ответ на этот вопрос в данной теории пока не дан. Нам представляется также, что искусственно сужен период ее формирования, думается, что он начался с допуска плебеев в децемвират в середине V в. до н. э. Тем не менее мы считаем данную теорию в настоящий момент наиболее состоятельной в принципиальном осмыслении характера политической системы Римской республики.

В привычную, берущую начало от Античности, шкалу понятий, характеризующих государственное устройство (к которой относятся такие категории, как «демократия» и «олигархия»), термин «меритократия» может быть включен как качественное определение олигархии (в исходном значении слова от корней *ὀλίγος* – немногий и *ἀρχή* – власть; без уточнения,

каковы эти немногие). Олигархия – буквально «власть немногих», но каких именно немногих, – вопрос в каждом конкретном случае не праздный. Античные мыслители не демонстрировали единства содержательного наполнения понятия «олигархия». Если Аристотель понимал под олигархией власть немногих богатых, то Полибий не акцентировал принцип богатства для олигархии. У него олигархия – отсутствие выборности и своекорыстие людей, стоящих у власти. В современной литературе используют термин «олигархия» в том значении, которое вкладывал в него Аристотель. Поэтому термин «олигархия» понимается обычно не просто власть «немногих», а «немногих богатых». Теория же меритократии по сути дела дает следующую характеристику римской политической системы классической Республики: власть немногих, но достойных. При этом власть выборная, к ней, как правило, приходили люди, достойные ее функционально и морально.

В Риме держатели империя были до определенной степени автономной и независимой стороной по отношению к *populus* и *comitia*, по крайней мере, в сравнении с носителями должностной власти во многих греческих полисах. Магистраты *cum imperio* владели исключительным правом созывать комиции и руководить ими, вносить законы, предлагать кандидатов на выборах и объявлять результаты. Через *lex curiata de imperio* (куриатный закон об империи) высшие магистраты торжественно наделялись властью и имели право при всех публичных делах совершать ауспиции. Они обладали неограниченной властью приказа и дисциплинарной властью. *Provocatio* (право обращения к народу против решения магистрата о тяжелом наказании гражданина), трибунские *auxilium* (помощь гражданину) и *intercessio* (запрет действий магистрата) – эти *praesidia libertatis* (средства защиты свободы граждан) должны были удерживать в определенных рамках фактическое применение империя внутри города. Они не ограничивали империй, они даже предполагали вес империя и обширную власть его носителей, они косвенным образом признавали его огромное значение и этим фактически подтверждали его (К.-Й. Хелькескамп).

Особое место в формировании меритократии принадлежало сенату. Сенат был политическим центром Республики, он играл роль ключевого института планирования, принятия решений и контроля, он являлся авторитетнейшим органом, что было неотделимо от важнейшего круга функций (распределение провинций, пророгация империя, интеррегнум). При этом вес сената был неформальным (в противоположность носителям империя) и имелось постоянное и неизбежное напряжение в отношениях между сенатом, с одной стороны, и магистратами с империем – с другой, так же как оно присутствовало между гражданским коллективом и носителями империя. Конфликты иногда вспыхивали, но, как правило, это напряжение оставалось латентным. К тому же обладатели империя практически всегда были сами сенаторами (К.-Й. Хелькескамп).

Важным положением теории «римской меритократии», которое мы разделяем, является то, что возвышение руководящего слоя классической (средней) Республики нельзя представлять только лишь количественным расширением старого патрициата некоторыми семьями «новой аристократии». Наоборот, это возвышение было комплексным многосторонним процессом, в ходе которого возникла совсем новая, своеобразная и специфическая элита. Новая элита формируется не на старой основе, – делается вывод в концепции меритократии, – ее характеризует новое качество, новая мораль, новые критерии достоинства.

В целом, анализ характера политической системы Римской республики, сделанный антиковедами за последнюю четверть века, свидетельствует о признании решающим фактором управления римской общиной деятельность не всего гражданского коллектива, а его элиты. Вместе с тем мы бы хотели подчеркнуть следующее: *civitas*, являясь разновидностью полисной организации, конституировалась в качестве государственного образования на основе принятия принципов, регулирующих общественную жизнь, всем гражданским коллективом. Каждая полисная община вырабатывала собственные способы поддержания стабильности своего существования, политические механизмы выполнения организаторской функции государства и методы согласования

интересов различных социальных групп. Иначе говоря, в каждом полисе политико-правовой уклад был результатом коллективного принятия его массой граждан. Полис, будучи коллективом граждан, всегда поддерживает в своей идеологии представления о верховенстве народа, о его праве принимать основополагающие решения, и в этом состоит демократическая посылка его государственной организации. Следствием этого является постоянное сохранение если не реально-политического, то хотя бы формально-юридического значения народных собраний. Но это не исключает того обстоятельства, что установленные гражданским коллективом правила политической игры позволяют иметь определяющее влияние в государственной практике не народу, а элите. Судя по всему, это и имело место в Риме.

Определяя, в чем корень демократического начала римской республиканской системы (а оно было присуще ей, по Полибию, наряду с аристократическим и монархическим), мы должны, как нам представляется, отдавать себе отчет в том, что оно относится не собственно к политическому режиму, не к механизмам осуществления власти, а к первичной, полисной основе римской общинной организации. Суть, на наш взгляд, состоит в том, что во всякой полисной организации форма правления – «общественный договор», т. е. результат коллективного принятия решения гражданами данного полиса. В этом демократическая посылка. Но «договориться» – вполне демократическим путем – граждане могут о том, что механизм осуществления властных полномочий будет каким угодно, в том числе и совсем не демократическим. Когда мы дифференцируем понятия «полис» (*civitas* – гражданская община) и «республика» (*res publica* в значении «государство», политическая организация гражданской общины, т. е. *status civitatis*), тогда мы менее запутываем себя в понимании «римской демократии». И если бы Ф. Миллар это разделил изначально, думается, что несколько иной оборот приобрела бы начатая им четверть века назад дискуссия.

Римская элита играла огромную роль в принятии важнейших государственных решений и в ежедневной общественной жизни. Именно принадлежавшие к правившей элите политики задавали тон римской публичной жизни: они баллотировались на высшие

должности, определяли сенатские решения, руководили народными собраниями. Нет сомнений, что правившая элита манипулировала общественным мнением. Однако это не исключает, что ее представители в борьбе политических группировок заручались поддержкой народа не в последнюю очередь потому, что им удавалось убедить его в общественной пользе своих действий. *Res publica* была для аристократов ареной политической конкуренции, но Республика поддерживалась этой конкуренцией. В Риме не было профессиональной бюрократии, оплачиваемых должностей; большая политика делалась руками «заинтересованных аристократических добровольцев». Борьба отдельных личностей, даже если велась она за славу и почет, была необходимым условием функционирования римской республиканской системы. В этой конкуренции соблюдались традиции политического соревнования и определенные моральные нормы, которые не позволяли развиваться в ее ходе разрушительным для государства тенденциям. В период классической Республики гражданская этика обуславливала допустимые приемы политической конкуренции и помогала поддержанию государственных механизмов в работоспособном состоянии.

Мы полагаем, что соотношение роли элиты и народа в Римской республике позволяет утверждать, что именно в Риме были заложены истоки принципа представительности. Это выразилось, во-первых, в том, что магистраты в Риме – не просто исполнительный орган народных собраний, как это было в Афинах, они получали – путем делегирования государственного суверенитета от *populus Romanus* – право представлять римский народ в важнейших государственных делах. Право высшего магистрата на это представительство, на действия от имени всего народа, было заложено в *imperium*. Во-вторых, принцип голосования в комициях, в том числе и в электоральных (одна центурия, курия, триба – один голос), означал в зародыше систему «выборщиков», не персонифицированную, более абстрактную, но в целом близкую по сути, например, к современным выборам американского президента, когда выборщик получает не просто право голосовать на следующем этапе избирательной процедуры, но вместе с этим правом и обязанность подать свой голос вполне

определенным образом. В-третьих, на это указывает принцип комплектования сената: начиная с 366 г. до н. э. римский сенат очевидным образом превращается из собрания аристократии в собрание экс-магистратов, которые в качестве достойных представителей римского народа (избранных им) осуществляли распорядительные и контролирующие функции. Политик избирался только в магистратуру, отдельного избрания в сенат не было, но право представлять интересы римского народа он уже получил. В-четвертых, право провокации было правом контроля народа за высшей судебной властью магистрата. Ни один ординарный магистрат не мог быть избран без того, чтобы по его решению не была возможна провокация (*Cic. De rep. II. 54.*). Возможность исправить решения магистрата собранием гражданского коллектива, когда речь идет о жизни и смерти его члена, также свидетельствует о том, что должностное лицо, облеченное высшей исполнительной властью, обязано было считаться с интересами тех, кого оно представляет, принимая решения. В-пятых, *contiones* как средство выражения мнения римских граждан, доводимое до их избранников, благодаря которому правившая элита знала желания тех, кого она представляет в органах власти. Решения на сходках путем голосования не принималось, но они нужны были, в первую очередь, для того, чтобы «привести в соответствие» позицию представителя народа с чаяниями и интересами самого этого народа. В-шестых, ориентация на *mores maiorum* (обычаи предков) как универсальный для всех граждан поведенческий канон, на основе которого осуществлялось представительство римского гражданства нобилитетом. *Mores maiorum* включали с начала III в. до н. э. (с создания новой элиты – в соответствии с теорией римской меритократии – и новой морали) такие этические ценности и установки, как *virtus*, *dignitas*, *fides*, ставшие критериями отбора представителей в органы власти. Именно в Риме были сформированы качества достойного политика как лучшего из лучших гражданина, который может представлять весь коллектив, и критерии его поведения.

* * *

Мы переходим, таким образом, к последнему вынесенному на обсуждение вопросу – принципиальным чертам *идеологии* римской *civitas* республиканской эпохи. Краеугольным мировоззренческим понятием для всех античных полисов было понятие свободы. Возникает оно обычно в социальной сфере, и только затем формируется «концепт политической свободы», причем отнюдь не в среде аристократии (К. Раафлауб).

Становление представлений о политической свободе в Риме необходимо – вслед за современными исследователями вопроса – отнести к первой половине V в. до н. э. Хронологически возникновение понятия «свобода» в политическом смысле для Греции и Рима определяется фактически одинаково, что нам кажется верным и весьма существенным, ибо фиксируется своеобразное «единство вклада» в данном отношении греческой и римской античности, что влечет за собой признание «равного участия» римлян в выработке политических парадигм, получивших второе рождение в Новое и Новейшее время.

Свобода народа в Риме (*libertas*) появляется из уважения народом своего суверенитета и своей компетенции в принятии решений. Она была подкреплена законодательным регулированием: принцип равенства перед законом, принципы функционирования магистратур, плебейский трибунал, право провокации и др. Римляне не имели особого термина для обозначения «свободы слова» – это право было включенным в *libertas* и активно использовалось именно лицами, принадлежавшими к руководящему слою. В этом отношении, вероятно, Рим гораздо ближе Спарте, чем Афинам.

Понятие «свобода», став ключевым ценностным понятием политики, составило единый ряд с правом, справедливостью и равенством. Если в Греции эти понятия изначально были соотнесены с общиной в целом и только затем распространены на каждого ее члена в отдельности, то в Риме, наоборот, установлены были в качестве коллективных те ценности, которые составляли ряд ценностей индивидуальных: *dignitas* (достоинство), *auctoritas* (авторитет), *pietas* (благочестие), *virtus* (мужество). Иначе говоря, если в греческих полисах система нравственных ценностей складывалась от общего к частному, то в Риме – от частного к

общему. Названные понятия составили суть римской гражданской идентичности.

Римская идентичность – это самоидентификация граждан римской *civitas* в качестве членов определенной общины. Осознание себя гражданами Рима базировалось, в первую очередь, на поддержании традиций и обычаев предков (*mores maiorum*), окруженных ореолом святости. Знаков, «кодирующих общность» римских граждан, было, в целом, весьма много (и померий, и публичные пространства, и сакральная топография, и многое другое), но *mores* – безусловно – центральный: *Moribus antiquis res stat Romana virisque* (*Ennius. Ann. 467*) – «Нравами предков сильна и могуча республика римлян» (пер. С. А. Ошерова); «Древний уклад и мужи – вот римской державы опора» (пер. В. О. Горенштейна). Точность перевода требует отразить в нем одновременно и «нравы», и «мужей» в качестве основ устойчивости римской организации. В этом выражении Квинта Энния сформулирована квинтэссенция и коллективной, и личной идентичности римских граждан. И очень показательно, что это изречение поэта из-за его «краткости и истинности» Цицерон уподобил оракулу (*Cic. De rep. V. 1*). На наш взгляд, *mores maiorum* – этос не только нобилей, это нормы, по которым жило все римское общество, инструмент социального регулирования для всей общины. Будучи, вероятно, по происхождению во многом обычаями римской аристократии (но вряд ли только ее одной), они стали универсальными для всей общины. Изначально *mores* – обычное право, после записи законов – главным образом, моральные нормы (хотя на них ориентировались потом довольно долго и в судебной практике). Этический, сакрализованный компонент с течением времени отнюдь не вымывался из содержания *mores maiorum*, а, вероятно, только усиливался, хотя и видоизменялся.

В историографии иногда подчеркивается, что римская гражданская идентичность серьезно отличается от национальной идентичности граждан современных государств (Х. Майер). Все-таки, на наш взгляд, общее найти можно, например, осознание себя рожденными от граждан данного государства. Главной же для римлян в их самоидентификации (как и для граждан

греческих полисов) была не этническая, а, скажем так, «этическая» («поведенческая») общность, базировавшаяся на признании себя членами данного коллектива, что было связано с принятием его ценностей и норм.

К 90-м гг. III в. до н. э. (к исходу сословной борьбы и ко времени создания новой элиты) устанавливаются четко сформулированные критерии нравственного поведения. Возникают основополагающие понятия римской этики: *Fides*, *dignitas*, *virtus*, *auctoritas*, *honor*. Формируется *mos Romanus*, система представлений о римских доблестях, которые подробно дефинируются: «Доблесть – всегда разбирать, где честь, где право, где польза, / Что хорошо и что нет, что гнусно, бесчестно и вредно... Сосредотачивать мысль всегда на пользе отчизны./ После – на пользе родных, а потом уж на собственной пользе» (*Luc.* 1326. Пер. М. Л. Гаспарова). Доблести старательно ищутся и находятся в примерах действий предков (*exempla maiorum*), которые восхваляются и превозносятся. Появляется триединство понятий: *mos – institute – exempla*. Римское историописание уделяет примерам предков очень большое внимание (Марк Фурий Камилл, представители рода Клавдиев и др.).

Критериями публичной деятельности стали в классическую Республику бескомпромиссная персональная самоотверженность и полная концентрация на политике и войне, совете и решении, управлении и предводительстве. Эта новая идеология базировалась на таких опорах, как ранг, репутация, почести, авторитет и влияние (К.-Й. Хелькескамп). Достойный политик, обладатель *dignitas*, – это именно тот, кого отличает *aequitas* (выдержка, беспристрастность, благожелательность), *clementia* (милосердие, снисходительность), *pietas* (благочестие, справедливость, сострадание), *prudentia* (осведомленность, рассудительность, благоразумие) и ряд других.

Одной из важнейших идеологических установок следует назвать понятие «*fides*» (доверие, вера, верность, честность, добросовестность, «исполнение того, что было обещано»), которое стояло в центре политического, социального и правового порядка Рима и в котором отразились, с одной стороны, специфически римский многослойный язык власти, а с другой –

особая мораль превосходства, представление о миротворческом и универсалистском призвании *populus Romanus*. В понятии «*fides*» кристаллизовалось средство идеологии господства и коллективного менталитета римского народа. «Верность обещаниям и клятве, прямое соответствие между словом и делом считалось римлянами главным, "священнейшим правом" как в государственном, так и в частном праве» (Л. Л. Кофанов).

Гражданскому мировоззрению римлян были свойственны представления о гуманности, вероятно воспринятые от греков. Латинским эквивалентом греческому понятию «филантропия» служило слово «*humanitas*» – человеколюбие. *Humanitas* для Цицерона – это не то, что просто характеризует человека, а то, что его отличает как человека, точнее, то, что должно его отличать (А. Демандт). «Гуманный» означало одновременно проявляющий *honestum* (честность, высокую нравственность, добродетель), качество в высшем смысле рациональное и полезное, поскольку оно сохраняет человеческое общество как целое. В римском восприятии природа, божества и разум требовали: человек должен почитаться людьми.

Для римского гражданского коллектива очень важным было поддержание исторической памяти. Этому служили обряды и праздники, историческая топография, памятные места и ландшафты, римское историописание и *exempla*. На это была нацелена гентильно-генеалогическая мемориальная практика (похоронные процессии, памятники и надгробия). Так, процессия прощания с умершим соединяла прошлое с настоящим, символизировала непрерывный временной континуитет. При произнесении погребальных речей (*laudatio funebris*) представляемые лица-деями в портретных масках *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали хвалебное слово о покойном. В *laudatio* перечислялись, с одной стороны, *honores*, т. е. должности и деяния, посредством которых достигалась *dignitas* (достоинство) умершего, а с другой стороны, его *virtutes* (доблестные дела, подвиги) в качестве магистрата, командующего войсками и сенатора, *sapientia* (мудрость, рассудительность), *fortitudo* (храбрость, отвага) и другие гражданские и военные добродетели, которые проявлялись в его де-

лах. Эти добродетели соответствовали доблестям символически присутствовавших предков и отражали нормативный идеал гражданина.

Картина мира и система ценностей, концентрированно выраженные в значимом примере и способе поведения, не в последнюю очередь определяли «драматургию» римского политического действия и формировали то, что современные исследователи называют «политическая культура». Она была в Риме ритуализованна, имела в своем практическом проявлении вербальный (речи ораторов), игровой (политика в театре), церемониальный (игры) и другие аспекты. Она закладывалась системой воспитания, она обеспечивала приемлемость норм политической борьбы и общественного поведения.

* * *

Полисное устройство предполагало высокую степень взаимосвязанности и взаимообусловленности всех сфер жизни гражданского коллектива. Какую бы мы ни вычленили, изолированно от других мы обсудить ее не могли. Римская *civitas*, таким образом, как мы видели, имея именно ей присущие связи и механизмы функционирования, характеризуется целостностью и выраженной органичностью своего республиканского бытия, что, в целом, свойственно античной полисной организации.

Литература

1. Ассман, Я. Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М., 2004.
2. Дементьева, В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика: учеб. пособ. / В. В. Дементьева. – Ярославль: ЯрГУ, 2004.
3. Дементьева, В. В. Магистратская власть Римской Республики: содержание понятия *imperium* / В. В. Дементьева // ВДИ. – 2005. – № 4. – С. 63–72.

4. Дементьева, В. В. «Меритократия Римской Республики: право, ритуал, политическая культура / В. В. Дементьева // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – М., 2006. – № 1(17). – С. 55–64.
5. Дементьева, В. В. Понятие «конституция римского государства» в категориальном аппарате современной романистики / В. В. Дементьева // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – М., 2004. – № 2(14). – С. 92–115.
6. Дементьева, В. В. Римское «божественное право»: проблема содержания понятия *fas* / В. В. Дементьева // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиевистике. – Т. 1. – М., 2003. – С. 8–17.
7. Дементьева, В. В. Современная античность и античная современность (историография начала XXI в. о греко-римских истоках европейских политических парадигм) / В. В. Дементьева // ВДИ. – 2008. – № 3. – С. 212–223.
8. Дементьева, В. В. Современное антиковедение: изучение римской политической культуры / В. В. Дементьева // Античная история и классическая археология. «Академклуб: исторические науки». – М., 2006. – С. 50–63.
9. Дождев, Д. В. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество / Д. В. Дождев // ВДИ. – 2003. – № 2. – С. 91–111.
10. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М., 2001.
11. История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима: учеб. пособ. / под общ. ред. В. И. Кузицина, отв. ред. выпуска А. В. Махлаюк. – Нижний Новгород, 2006.
12. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима. – М., 1985. – Т. 2. – С. 108–166.
13. Кузицин, В. И. Формирование права частной собственности в римской юриспруденции во II–I вв. до н. э. / В. И. Кузицин // Вопросы истории. – 2008. – № 6. – С. 26–36.
14. Лабруна, Л. Некоторые размышления о современной юридической историографии в связи с так называемой «римской демократией» / Л. Лабруна // ВДИ. – 1995. – № 1. – С. 131–140.
15. Лобрано, Дж. «Римская конституция» как современная модель / Дж. Лобрано // IVS ANTIQVVM. – М., 2006. – № 1(17). – С. 154–169.
16. Маяк, И. Л. Понятие власти и собственности в сочинении Авла Геллия / И. Л. Маяк // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – М., 1998. – № 1(3). – С. 8–27.
17. Маяк, И. Л. Проблема собственности у Авла Геллия / И. Л. Маяк // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – М., 2000. – № 1(6). – С. 79–85.
18. Маяк, И. Л. Римляне ранней Республики / И. Л. Маяк. – М., 1993.

19. Маяк, И. Л. *Senatusconsulta* в тексте «Аттических ночей» Авла Геллия / И. Л. Маяк // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. – М., 2002. – № 2(10). – С. 24–33.

20. Мякин, Т. Г. Аграрный закон 111 г. до н. э. (CIL I, № 200, 585. Предисловие, перевод и комментарии О. Сакки и Т. Г. Мякина) // URL: http://www.nsu.ru/classics/makin/lex_torr_intro.htm

21. Кофанов, Л. Л. Юридикo-религиозный характер римской *fides* / Л. Л. Кофанов // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. – М., 2002. – № 2(10). – С. 63–72.

22. Кофанов, Л. Л. *Lex* и *ius*: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. / Л. Л. Кофанов. – М., 2006.

23. Религия и община в Древнем Риме/ под ред. Л. Л. Кофанова, Н. А. Чаплыгиной. – М., 1994.

24. Сидорович, О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э. / О. В. Сидорович. – М., 2005.

25. Смирин, В. М. Римский раб и римское рабство (к постановке вопроса) / В. М. Смирин // *Человек и общество в античном мире*. – М., 1998. – С. 482–487.

26. Смирин, В. М. Свобода раба и рабство свободного (К истории римского гражданского общества) / В. М. Смирин // *ВДИ*. – 2000. – № 2. – С. 260–267.

27. Смышляев, А. Л. Народ, власть, закон в позднеереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) / А. Л. Смышляев // *ВДИ*. – 2003. – № 3. – С. 46–60.

28. Смышляев, А. Л. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии / А. Л. Смышляев, Е. А. Одегова // *Античная история и классическая археология*. «Академклуб: исторические науки». – М., 2006. – С. 64–78.

29. Сморгчов, А. М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов / А. М. Сморгчов // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. – М., 2003. – № 1(11). – С. 24–39.

30. Сморгчов, А. М. Правовой статус и социальная роль храмов республиканского Рима / А. М. Сморгчов // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. – М., 2000. – № 2 (7). – С. 48–62.

31. Токмаков, В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн: учеб. пособ. / В. Н. Токмаков. – М., 2007.

32. Утченко, С. Л. Еще раз о римской системе ценностей / С. Л. Утченко // *ВДИ*. – 1973. – № 4. – С. 30–47.

33. Шайд, Дж. Религия римлян / Дж. Шайд; пер с фр. О. П. Смирновой. – М., 2006.

34. Шайд, Дж. Римская религия и духовность / Дж. Шайд // *ВДИ*. – 2003. – № 2. – С. 26–35.

35. Штаерман, Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития / Е. М. Штаерман. – М., 1978.
36. Barton, C. A. Roman Honor. The Fire in the Bones / C. A. Barton. – Berkeley, Los Angeles; London, 2001.
37. Bernstein, F. Ludi publici. Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung der öffentlichen Spiele im republikanischen Rom / F. Bernstein. – Stuttgart, 1998.
38. Demandt, A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt / A. Demandt. – Berlin, 1995.
39. Demandt, A. Der Idealstaat. Die politischen Theorien der Antike / A. Demandt. – Köln; Weimar; Wien, 1993.
40. Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik (Hg. M. Jehne). – Stuttgart, 1995.
41. Doria, C. M. Spretum Imperium / C. M. Doria. – Napoli, 2000.
42. Eder, W. Rechtsentwicklung und Verfassungskrise in Athen und Rom: Methoden und Möglichkeiten einer vergleichenden Untersuchung / W. Eder // Griechenland und Rom. Vergleichende Untersuchungen zu Entwicklungstendenzen und –höhepunkten der antiken Geschichte, Kunst und Literatur. Hrsg. von E. G. Schmidt. – Tbilissi, Erlangen und Jena, 1996. – S. 131–151.
43. Fögen, M. Th. Römische Rechtsgeschichte über Ursprung und Evolution eines sozialen Systems / M. Th. Fögen. – Göttingen, 2003.
44. Flaig, E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom / E. Flaig. – Göttingen, 2003.
45. Flaig, E. War die römische Volksversammlung ein Entscheidungsorgan? / E. Flaig // Institutionen und Ereignisse. Hrsg. von Reinhard Blänkner und Bernhard Jussen. – Göttingen, 1998. – S. 49–74.
46. Gelzer, M. Die Nobilität der römischen Republik / M. Gelzer. – Stuttgart, 1983.
47. Grziwotz, H. Der moderne Verfassungsbegriff und die „Römische Verfassung“ in der deutschen Forschung des 19. und 20. Jahrhunderts / H. Grziwotz. – Frankfurt-am-Main; Bern; New York, 1986.
48. Hölkeskamp, K.-J. Fides – deditio in fidem – dextra data et accepta: Recht, Religion und Ritual in Rom / K.-J. Hölkeskamp // The Roman Middle Republic. Politics, Religion and Historiography. 400–133 B. C. Ed. by Christer Bruun. – Rome, 2000. – P. 223–249.
49. Hölkeskamp, K.-J. Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte / K.-J. Hölkeskamp. – München, 2004.
50. Hölkeskamp, K.-J. Römische gentes und griechische Genealogien / K.-J. Hölkeskamp // Rezeption und Identität. Die kulturelle Auseinandersetzung Roms mit Griechenland als europäisches Paradigma. – Stuttgart, 1999. – S. 3–21.

51. Hölkeskamp, K.-J. *Senatus populusque Romanus: Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen* / K.-J. Hölkeskamp. – Stuttgart, 2004.
52. Hopkins, K. *Political succession in the Late Republic (249–50 B. C.)* / K. Hopkins, G. Burton // *Death and Renewal*. – Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1983. – P. 31–119.
53. Jehne, M. *Die Geltung der Provocation und die Konstruktion der römischen Republik als Freiheitsgemeinschaft* / M. Jehne // *Geltungsgeschichten über Legitimierung institutioneller Ordnungen*. – Köln; Weimar; Wien, 2002. – S. 55–74.
54. Jehne, M. *Integrationsrituale in der römischen Republik; Zu einbindungswirkung der Volksversammlungen* / M. Jehne // *Sinn (in) der Antike: Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum*. – Mainz am Rhein, 2003. – S. 279–298.
55. Kunkel, W. *Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur* / W. Kunkel. – München, 1995.
56. Lintott, A. *The Constitution of the Roman Republic* / A. Lintott. – Oxford, 1999.
57. Lobrano, G. *Repubblica e leggi: Dal modello romano di diritto pubblico alle origini delle costituzioni* / G. Lobrano. – Torino, 1994.
58. Martin, J. *Formen sozialer Kontrolle im republikanischen Rom* / Martin J. // *Demokratie, Recht und soziale Kontrolle im klassischen Athen* / Hrsg. von David Cohen. – München, 2002. – S. 155–172.
59. Mehl, A. *Römische Geschichtsschreibung. Grundlagen und Entwicklungen. Eine Einführung* / A. Mehl. – Stuttgart; Berlin; Köln, 2001.
60. Meier, Ch. *Der griechische und römische Bürger. Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Ensemble gesellschaftlicher Bedingungen* / Ch. Meier // *Griechenland und Rom. Vergleichende Untersuchungen zu Entwicklungstendenzen und –höhepunkten der antiken Geschichte, Kunst und Literatur* / Hrsg. von E. G. Schmidt. – Tbilissi, Erlangen und Jena, 1996. – S. 41–66.
61. Millar, F. *The Political Character of the classical Roman Republic 200–151 B. C.* / F. Millar // *The Journal of Roman Studies*. – 1984. – Vol. 74. – P. 1–19.
62. Millar, F. *The crowd in Rome in the late Republic* / F. Millar. – Ann Arbor, 1998.
63. Millar, F. *The Roman Republic in Political Thought* / F. Millar. – Hanover, 2002.
64. *Moribus antiquis res stat Romana: Römische Werte und römische Literatur im 3. und 2. Jh. v. Chr.* / Hrsg. von Maximilian Braun, Andreas Haltenhoff, Fritz-Heiner Mutschler. – Leipzig, 2000.
65. Morstein-Marx, R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic* / R. Morstein-Marx. – Cambridge, 2004.

66. *Mos maiorum: Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik* / Hrsg. B. Linke, M. Stemmler. – Stuttgart, 2000.
67. *Mouristen, H. Plebs and Politics in Late Roman Republic* / H. Mouristen. – Cambridge, 2001.
68. *Nippel, W. Antike und moderne Freiheit* / W. Nippel // *Ferne und Nähe der Antike. Beiträge zu den Künsten und Wissenschaften der Moderne.* – Berlin; New York, 2003.
69. *North, J. A. Democratic Politics in Republican Rome* / J. A. North // *Past and Present. A Journal of historical studies.* – Oxford, 1990. – № 126. – P. 3–21.
70. *D’Ors, A. Derecho Privado Romano* / A. D’Ors. – Pamplona, 1997.
71. *Pina Polo, F. Las contiones civiles y militares en Roma* / F. Pina Polo. – Saragossa, 1989.
72. *Politische Theorie und Praxis im Altertum* / Hrsg. von Wolfgang Schuller. – Darmstadt, 1998.
73. *Raaflaub, K. Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom* / K. Raaflaub // *Sinn (in) der Antike: Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum.* – Mainz-am-Rhein, 2003. – S. 55–80.
74. *Rüpke, J. Die Religion der Römer* / J. Rüpke. – München, 2001.
75. *Rosenstein, N. Imperatores victi. Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic* / N. Rosenstein. – Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990.
76. *Sini, F. A quibus iura civibus praescribentur. Ricerche sui giuristi del III secolo a C.* / F. Sini. – Torino, 1995.
77. *Stemmler, M. Eques Romanus – Reiter und Ritter: Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zu den Entstehungsbedingungen einer römischen Adelskategorie im Heer und in den comitia centuriata* / M. Stemmler. – Frankfurt-am-Main, 1997.
78. *Stewart, R. Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice* / R. Stewart. – The University of Michigan Press, 2000.
79. *Strolle, R. Ambitus et Invidia. Römische Politiker im Spannungsfeld zwischen persönlichem Ehrgeiz und Forderungen der Standesloyalität 200–133 v. Chr.* / R. Strolle. – Frankfurt-am-Main, 1999.
80. *Yacobson, A. Elections and electioneering in Rome* / A. Yacobson. – Stuttgart, 1999.
81. *Walter, U. Memoria und res publica: Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom* / U. Walter. – Frankfurt-am-Main; München, 2004.
82. *Walter, U. Ahn macht Sinn: Familientradition und Familienprofil im republikanischen Rom* / U. Walter // *Sinn (in) der Antike: Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum.* – Mainz-am-Rhein, 2003. – S. 255–278.

Задания для проверки знаний

1. Терминологические задания для контроля знаний

1.1. Назовите латинские понятия, означающие

- римское гражданство,
- городскую границу Рима,
- народные собрания римских граждан,
- народные сходки,
- собственность,
- владение,
- парадное помещение римского дома,
- свободу в качестве гражданской ценности,
- постановления сената,
- погребальные речи,
- филантропию (человеколюбие).

1.2.1. Дайте определение латинским терминам:

- res publica,
- populus Romanus,
- civitas,
- status civitatis,
- ager publicus,
- fas,
- praesidia libertatis,
- mores maiorum,
- exempla maiorum,
- honores.

1.3. Дайте определение греческим терминам *πολιτεία* и *πολίτευμα*. Какой термин латинского языка им соответствует?

1.4. Дайте определение греческим терминам:

ἐλευθερία

ἱερός

ὄσιος

γένος

γεννῆται

ὄροι

γῆς ἀναδασμός

1.5. Каково значение категорий νόμος и lex соответственно для греческого полиса и римской гражданской общины?

1.6. Запомните латинские термины, которыми римляне обозначали гражданские добродетели. К каким сферам жизни гражданина относились следующие понятия римской этики: virtus, fortitudo, sapientia, dignitas, pietas, auctoritas, fides, honos?

1.7. В чем состоит различие в понимании исследователями статуса земель, обозначенных в источниках термином «ager privatus»?

2. Задания для контроля знаний аргументации исследовательских позиций и понимания сути научных теорий

2.1. Как формулируется предложенный М. Хансенom «Копенгагенский закон о полисе»?

2.2. В чем новизна предложенной в пособии типологии греческих полисов (полисы архаического типа и полисы классического типа)?

2.3. Почему не является корректным встречающееся в литературе противопоставление «полис – хора»?

2.4. В чем проявлялась сакрализация пространства в греческом полисе?

2.5. Чем аргументируется утверждение, что рабы в греческом полисном обществе представляли собой сословие, а не класс?

2.6. В чем заключается ущербность употребления некоторыми политологами категории «протогосударства» по отношению к полису?

2.7. Чем доказывается вторичный характер многих «родоплеменных» структур в греческом полисе?

2.8. Какие процессы обусловили формирование греческого полиса в условиях коллапса «дворцовых царств» микенской эпохи?

2.9. Какие аргументы приведены в подкрепление утверждения, что *populus Romanus* был в эпоху Республики государственным сувереном?

2.10. Что доказывает сакрализованный характер римской территории в пределах померия?

2.11. Какие аргументы подкрепляют теорию о том, что в практическом применении нормы *ius* и *fas* были тесно переплетены?

2.12. Назовите аргументы сторонников этатического и неэтитического подходов к римской *res publica*.

2.13. Перечислите аргументы, обосновывающие точку зрения, что понятие «римская конституция» является корректным в научном отношении.

2.14. Чем аргументирует автор данного раздела пособия утверждение, что в Римской Республике следует искать истоки принципа представительности?

2.15. Назовите главные положения концепции Ф. Миллара о «римской демократии».

2.16. Изложите суть теории «римской меритократии» К.-Й Хелькескампа.

3. Задания на сравнительный анализ

3.1. Сопоставьте римское гражданство с греческим и выделите на этой основе специфику римского гражданства.

3.2. Сравните проведение народных собраний в афинской и римской гражданских общинах.

3.3. Сопоставьте хронологически период существования архаического греческого полиса и римской общины периода ранней Республики; классического греческого полиса и римской *civitas* времени классической (средней) Республики.

3.4. В чем состоят особенности римского варианта античной полисной организации?

3.5. Сравните предложенные исследователями реконструкции Римского Форума периода поздней Республики (рис. 1 и рис. 2), найдите отличия.

3.6. Сопоставьте определения полиса, данные И. Е. Суриковым и В. В. Дементьевой. Есть ли отличия в дефиниции полиса у авторов учебного пособия?

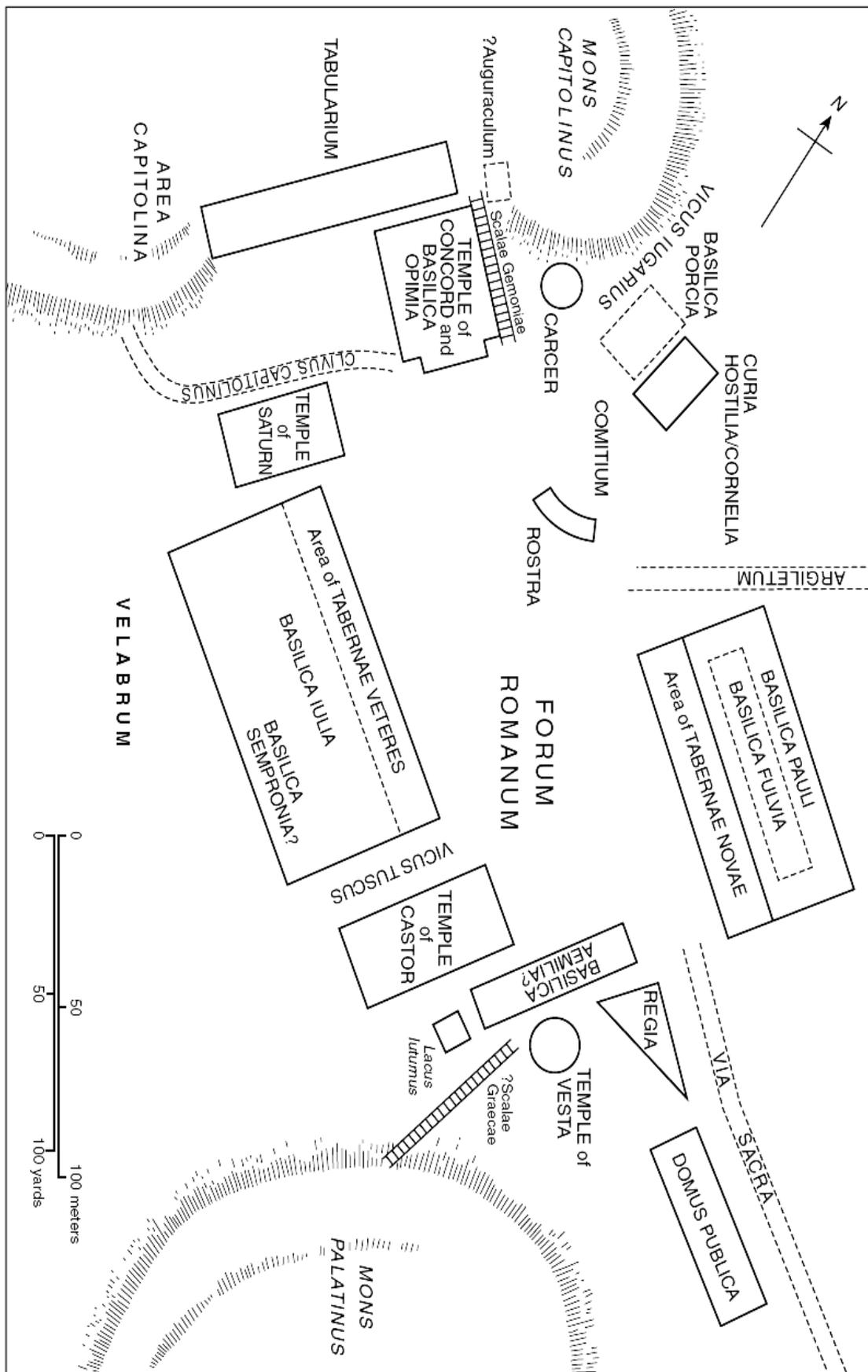

Рис. 1. Римский Форум в период поздней Республики.
 Местонахождение и размеры некоторых объектов приблизительно

Учебное издание

В. В. Дементьева, И. Е. Суриков

**АНТИЧНАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА:
ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
И РИМСКАЯ CIVITAS**

Учебное пособие

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка И. Н. Иванова

Подписано в печать 20.01.10. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times NewRoman".
Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 5,04.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.